АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
ФОРМА ЖИЗНИ
407

Андрей Ливадный

Форма жизни

«Автор»
2003

Ливадный А. Л.

Форма жизни / А. Л. Ливадный — «Автор», 2003 — (Форма жизни)

Загадочная новая форма жизни – что она несет человечеству? Гибель или бессмертие? Странная серебристая плесень, атаковавшая механизмы и поселенцев колонии на Марсе, поставила под угрозу планы экспансии могущественной корпорации. Ее шеф Майлер фон Браун решил разобраться с этой напастью по-своему…

© Ливадный А. Л., 2003
© Автор, 2003

Содержание

Пролог 5
Часть первая 7
Глава 1 7
Глава 2 20
Глава 3 31
Часть вторая 39
Глава 4 39
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Андрей Ливадный
Форма жизни

Освоение космоса не временное увлечение человечества, а неизбежный этап его эволюции…
Феликс Юрьевич Зигель

Пролог

Стартовые площадки временного космопорта и товарно-сортировочный комплекс были расположены вдали от поселений, в зоне, которой еще не коснулось планетное преобразование.

На фоне унылого, мертвого, коричневато-рыжего пейзажа каменистой пустоши, протянувшейся от горизонта до горизонта, тщательно выровненные и распланированные квадраты посадочных мест казались чужеродными вкраплениями.

Так оно, по сути, и было.

Люди пришли сюда недавно, но обосновывались прочно, на века.

Сегодня кораблей было мало – у разгрузочного терминала стоял всего один спускаемый модуль, издали похожий на короткокрылый самолет, только в десятки раз больший по размерам, с четко обозначенным грузовым брюшком…

Он еще не остыл после посадки, дюзы планетарной тяги в его корме малиново светились, обшивка потрескивала, и даже в десятке метров от машины ощущался нестерпимый жар: раскаленный воздух струился зыбким маревом, омывая потемневший, давно утративший заводской глянец металлокерамический сплав брони.

Два тягача закончили буксировку и отползли в сторону.

В борту челночного корабля открылся шлюз, и оттуда по выдвинувшемуся трапу быстро сбежал, закрываясь рукой от жара, немолодой пилот. В его коротко стриженных волосах виднелась проседь, одежду составляли лишь шорты и рубашка с коротким рукавом, а на загорелом лице блестели мелкие бисеринки пота.

– Жарко… – произнес он, входя в помещение диспетчерской. Очевидно, он уже не раз бывал тут, потому что сразу нашел глазами начальника смены и приветственно поднял руку.

– Хелло, Володя!

Старший диспетчер поднял голову и посмотрел на вошедшего.

– А, это ты, Джон. Привет. – Он протянул руку. – С чем пожаловал на сей раз? Опять пищевые концентраты?

– Не угадал. – Пилот челнока отер капельки пота со лба. – Система кондиционирования барахлит, – пожаловался он, устраиваясь в кресле. – Десять потов сошло, пока сел. Жара в рубке невозможная.

– Так что привез?

– Сегодня – руду. Чистейший лунный реголит, прямо с поверхности. Почти сплошной металл, – удовлетворенно хохотнул он. – Давай, давай, оформляй прием, до озверения хочется под душ и пива… – Он мечтательно возвел взгляд к потолку.

Старший смены защелкал клавиатурой компьютерного терминала.

– Странно. Своей руды, что ли, нам не хватает? – пробормотал он, пролистывая электронную спецификацию.

– Ладно тебе, – услышав его реплику, ответил пилот. – Бизнес, Володя. Сегодня твоя корпорация платит за руду – я везу руду. Завтра начнет платить за лед – пожалуйста. Спрос рождает предложение – проходил в школе?

– Проходил. – Диспетчер наконец нашел нужный раздел. – Давай твою карту.

Вставив протянутый ему пластиковый прямоугольник в прорезь терминала, он прочитал данные о составе и ценности груза, убедившись, что Джон ничего не преувеличил, – корпорация «Дитрих фон Браун», которой принадлежал данный космопорт, действительно платила за богатую содержанием редкоземельных элементов руду солидные деньги, которые оправдывали ее доставку с лунной поверхности.

– Все в порядке, Джон. – Он набрал код и добавил: – Твой терминал номер десять. Разгружайся.

– Отлично. – Пилот был явно доволен жизнью. – Вечером заходи в гостиницу, с меня причитается.

* * *

Разгрузка давно закончилась.

Контейнеры с борта челночного корабля переместили в склады космопорта. Выборочное сканирование показало, что руда, о которой упоминал Джон, действительно очень богата – в одной из емкостей концентрация металлов достигала такой степени, будто там была заключена не лунная порода, а металлический лом.

Спустя две недели эти контейнеры перекочевали за четыреста километров от космопорта на один из перерабатывающих заводов корпорации «Дитрих фон Браун».

Туда ежедневно поступало огромное количество сырья, и горы подготовленного рудоносного щебня высились прямо во дворе перерабатывающего комплекса, под открытым небом.

Содержимое прибывших с луны контейнеров вывалили туда же. Когда их высыпали, порода, внешне напоминающая острый гравий, тускло блеснула.

Ее основу составляли плотно слепленные вместе микроскопические гранулы, но на это никто не обратил внимания – разгрузку осуществляли механизмы, а им не было никакого дела до строения прибывших с луны камней.

Острые осколки породы, согреваемые скупыми лучами далекого солнца, лежали на пологом скате огромной кучи. Часть из них сползла вниз и не попала в переработку сразу же, оставшись в отвале на неопределенный срок.

Шли дни, и количество гранул в этих фрагментах вдруг стало уменьшаться. Куда исчезали микроскопические серебристые корпускулы, оставалось только гадать, да никто и не обращал внимания на несколько килограммов лунного грунта, случайно рассыпанного по двору огромного промышленного комплекса.

Прошло три месяца, и на этом заводе внезапно прогремел необъяснимый, загадочный взрыв, повлекший за собой целую цепь странных трагических событий.

Часть первая
Пропасть

Глава 1

Земля, 2395 год…

Все началось в тот день, когда закончилась ее жизнь.

Смерть была не физической, а моральной, но сам процесс от этого стал лишь еще более жутким, не потеряв ни капли своей мучительной сути.

Длинный белый стерильно пахнущий коридор, по обе стороны которого тянулись вереницы плотно закрытых дверей, казался ей бесконечным.

Мари шла по блестящему, дочиста вымытому кафелю пола, и ее не покидала испуганная мысль, что звук шагов, такой гулкий и неприятный, может потревожить кого-нибудь за этими дверями.

Она еще не понимала сути происходящего, ее испуганное, сжавшееся в трепещущий комочек сознание инстинктивно отталкивало реальность, словно это могло хоть как-то помочь…

Человек, который шел впереди, остановился. Он был на голову выше Мари, шире ее в плечах и старше, но все особенности его лица и фигуры скрадывал мешковатый белый костюм с прозрачной маской, сквозь которую были видны лишь его серые глаза и нос.

– Ты готова? – участливо спросили его невидимые губы, скрытые раструбом дезинфекционно-дыхательного аппарата, и в этот миг Мари впервые ощутила, как потаенные интонации голоса чужого человека вдруг раскрываются ее разуму, словно перед ней развернули огромный белый лист, на который черным криком печатных букв были нанесены его настоящие мысли.

Мне все равно… Я каждый день вижу это и больше не могу сопереживать. Только не ори и не падай в обморок, ладно? – вот о чем думал он, произнося участливые слова…

Разум Мари на миг помутился.

Она не хотела туда. Она не могла сделать последний шаг, отделяющий ее от страшной окончательности, но попятиться, кинуться прочь также не нашлось сил. Она стояла, считая гулкую вечность секунд, а подбородок уже мелко, предательски дрожал…

…Она все же нашла в себе силы задавить эту дрожь, кивнуть, и тогда он толкнул дверь.

Их прихода явно не ждали.

Помещение, куда они попали, было длинным и узким. Всю стену напротив входа занимали холодильные шкафы, расположенные, как ячейки в хранилище банка, одна над другой, рядами по десять дверец, и каждая с табличкой, на которой мелкими букашками застыли нечитаемые от входа буквы.

Две дверки в противоположных концах ячеистой стены были открыты, а их содержимое, в виде длинных носилок, на которых лежали синеватые обнаженные тела – мужское и женское, – выдвинуто наружу.

Она не закричала и не упала в обморок, лишь машинально вцепилась в руку сопровождающего с такой силой, что у него что-то хрустнуло в запястье.

Стол с обнаженным мужским телом оказался всего в метре от нее.

Мари смотрела на труп выцветшими глазами, принявшими в этот миг водянистый оттенок страха и инстинктивного неприятия смерти. От трупа веяло холодом, его грудь была распорота наискось и вновь сшита грубыми стежками, без следа крови в тех местах, где игла патологоанатома пронзала мертвую плоть.

Кроме разреза и шва, что стягивал его края, на животе и груди молодого парня виднелись синевато-черные отметины, расположенные в ряд…

Автоматная очередь, угадал разум Мари, и эта мысль, такая же ледяная, как лежащий рядом труп, внезапно обожгла сознание, открыв наконец лазейку для настоящего ужаса.

– Уберите! – глухо прозвучал голос сопровождающего. Он резким, раздраженным жестом затолкнул носилки внутрь ячейки и закрыл дверку, по краям которой были заметны полоски инея. Двое медиков, тоже в защитных костюмах, поспешно задвинули труп женщины в стену-холодильник.

– Оставьте нас.

Мари казалось, что сейчас она отдаст все, лишь бы получить возможность выскользнуть прочь, вслед за двумя безликими фигурами в белом, но…

– Сюда, пожалуйста…

Кто бы знал, чего ей стоил один-единственный шаг… Ноги одеревенели, словно их свело судорогой…

Щелчок. Тихий шелест направляющих роликов, лязг сработавших фиксаторов.

Она смотрела в сторону, в стену.

– Мисс Лаймер, вы должны опознать тело. – Чужая рука, облаченная в мягкую ткань защитного костюма, коснулась ее запястья. – Мне очень жаль, но это обязательная процедура…

Только бы не задохнуться…

Вставший в горле комок не давал ей сделать вдох, но, как выяснилось спустя несколько секунд, можно справиться и с этим, а предчувствие не всегда бывает острее самого события…

Вдох… Выдох… Поворот головы… Мелкая дрожь в губах, деревянное напряжение мышц, ощущение натянутости собственной кожи… Посеревшее лицо, отразившееся в хроме хирургического инструмента, разложенного на столике с колесиками…

Эти выдвижные носилки были покрыты голубой тканью, которая смягчала контур заключенного под ней тела, делала его неузнаваемым.

Ей захотелось крикнуть *«Нет!»*, но мужчина уже взялся за уголок синтетического савана и начал медленно отворачивать ткань от головы трупа к ногам.

В этот миг сердце Мари остановилось.

Он был весь обожжен. Оцепеневший взгляд девушки скользил по изуродованной плоти, выхватывая леденящие душу подробности мучительной смерти: кожа на лице почернела и полопалась, губы сгорели, обнажив зловещий оскал желтоватых зубов, а на подбородке, ближе к кадыку, чудом сохранился участок нетронутой кожи, и на ней росла щетина…

Ноги Мари подкосились, и она начала медленно оседать на пол.

Отец?!. – взорвалась в голове тоскливая мысль.

Что-то задержало падение, чужие руки обхватили ее за талию и плечи, но это движение не было участливым – ее больно встряхнули, приводя в чувство, и резь в пояснице проникла в сознание вместе с резким запахом нашатыря…

– Я… сама…

Голос был незнакомым, шелестящим, сиплым, словно это не она произнесла короткую фразу, а осенний ветер протащил по асфальту несколько скорчившихся, пожухлых листьев…

Чтобы не закричать, она сжала зубы с такой силой, что челюсти начали неметь. Машинально вцепившись в край носилок, она стояла, глядя на труп, не в силах теперь оторвать взгляд от его изменившихся черт, от кукольной напряженности обгоревшего лица и клочка этой нелепой щетины на подбородке… Взгляд Мари скользнул ниже, и она увидела на шее трупа тонкую, почерневшую, обезображенную небрежно наложенными стежками линию.

Несколько секунд потребовалось ей, чтобы понять: голову этого человека *пришили* к туловищу.

Дикость происходящего не укладывалась в сознании. Она отказывалась ассоциировать обгорелый труп с самым родным человеком на земле… Этого просто не могло происходить с ней!

– Мисс Лаймер, вы должны официально опознать погибшего, – ворвался в ее мысли глухой голос. – Вы подтверждаете, что перед вами Френк Моррис Лаймер? Вот ознакомьтесь, это сравнительный анализ ваших ДНК. – Он протянул ей лист распечатки с заключением экспертов.

Мари продолжала смотреть на неровно наложенный шов.

Сопровождающий подождал несколько секунд, потом опять взял ее за руку и повторил свой вопрос.

Она кивнула, действуя словно в полусне, едва ли понимая, чего от нее хотят на самом деле.

– Как это случилось? – наконец выдохнули ее ледяные, дрожащие губы.

– Я не знаю, – служащий морга развел руками. – Вы же понимаете, в связи с последними событиями в колонии сюда попадает масса тел, но далеко не все могут быть вывезены на Землю. Большинство родственников хотели бы, но не имеют возможности получить останки своих близких, а вы…

– Я хочу знать, что случилось с отцом. – Она продолжала смотреть обезумевшим взглядом на шов, а ее дрожащие пальцы вдруг соскользнули с хромированного поручня выдвижных носилок и коснулись мертвой кожи его руки.

Ощущение было острым, словно удар электрического тока.

Боже…

Под пальцами ощущалось нечто ледяное, обладающее твердостью дерева и одновременно какой-то упругостью…

Мари отдернула руку, резко повернулась к человеку в белом, и тот невольно сделал шаг назад. Должно быть, выражение ее лица и устремленный на него взгляд испугали видавшего виды сотрудника морга…

– Ну?.. – Ее голос снова предательски дрогнул, и эта интонация дрожащей беспомощности немного разрядила обстановку.

– Я не могу дать вам разумных, исчерпывающих объяснений, – торопливо заговорил он, желая поскорее закончить формальности. – Вам следует подписать акт опознания, а все остальные бумаги, в том числе и официальные объяснения, вы получите в офисе компании вместе с личными вещами вашего отца и деньгами, причитающимися ему по контракту…

Он все что-то говорил, говорил, но Мари уже не слышала его.

Это случилось. Она увидела отца и позволила внушить себе, что он мертв, хотя глаза не узнавали этих изуродованных черт… Лист компьютерной распечатки с данными сравнительного анализа ДНК дрожал в ее руках, но Мари даже не заглянула в предложенный текст заключения экспертов. Грубая реальность подломила ее разум, разрушив все зыбкие перегородки надежд, которые она строила и лелеяла в душе с самого утра, после того, как ей позвонили и с вежливым участием сообщили о трагедии и предстоящей процедуре опознания.

Ей было жутко думать о том, что отец был уже мертв целых полтора месяца, которые требовались космическому кораблю на перелет от Марса до Земли. А она ждала его…

Мир вокруг нее внезапно схлопнулся, словно Мари окутал черный кокон безвременья.

Она выполняла какие-то действия, действительно подписала предложенную бумагу, силясь, но не сумев прочитать ее, потом ей опять стало плохо, и из-за этого разум пропустил момент прощания с отцом. Когда ее взгляду вернулась резкость восприятия, носилки уже были задвинуты на место и ячейка закрыта, а просить, чтобы их выдвинули повторно, у Мари не хватило духа.

Ее тело продолжало жить, а разум, казалось, оледенел, перестал адекватно реагировать на реальность.

Губы шевелились, с них слетали односложные слова, функционировали руки и ноги, билось сердце, но это уже нельзя было назвать жизнью…

В коридоре морга ее ждал незнакомый мужчина, одетый в темный деловой костюм.

Он взял ее под руку, словно давний знакомый.

– Нас ждет машина, – лаконично сообщил он, поймав вопросительный взгляд ее покрасневших глаз.

Мари была раздавлена, дезориентирована, она потеряла всякое ощущение пространства и времени… По сути, в эту минуту ей было все равно, куда и с кем идти. Ледяной холод, комом застывший в груди, продолжал расти.

Погрузившись в свое безысходное состояние, она почти не реагировала на окружающие события. Салон автомобиля, мелькание уличных огней за тонированным окном – все это скользило по периферии сознания, не проникая в разум, и очередной раз она очнулась лишь в момент, когда ее вежливо пригласили выйти.

Выбравшись из уютного сумрака пропахшего искусственной кожей автомобильного салона, Мари подняла взгляд и поняла, что стоит на площади перед претенциозным зданием ультрасовременного небоскреба, по фасаду которого в сгущающихся сумерках то и дело пробегала ослепительная надпись:

Корпорация «Дитрих фон Браун». Межпланетные перевозки, колониальные проекты, разработка внеземельных рудных месторождений.

– Нам сюда, – ее провожатый ненавязчиво взял Мари под руку и повел к входу в здание.

* * *

Помещение, куда привели Мари, напоминало стандартный офис, только очень больших размеров. Посередине стоял Т-образный стол, вдоль него выстроились вращающиеся кресла со встроенными в подлокотники мини-компьютерами. Два более внушительных терминала занимали все пространство от пола до потолка, располагаясь с таким учетом, чтобы с председательского места можно было свободно дотянуться рукой до их рабочих панелей.

Сейчас тут находились четверо.

Один из них нервно мерил шагами толстое, поглощающее звук покрытие пола, второй курил, стоя у приоткрытого окна, третий просматривал электронные документы, поступающие на монитор компьютерного терминала, а четвертый просто сидел, сцепив руки в замок, и с мрачным видом глядел перед собой, погрузившись в тяжелые раздумья.

Мари мгновенно узнала его. Это был Майлер фон Браун – нынешний глава корпорации.

Дверь тихо клацнула, затворяясь за провожатым, и все присутствующие невольно повернули головы на звук.

Фон Браун встал. Они когда-то встречались, мельком, на одном из приемов, куда брал ее отец.

– Мария… – его голос прозвучал глухо в ватной тиши кабинета, – я попросил привезти тебя сюда, чтобы лично выразить свои соболезнования. Твой отец значил для нас очень много, и мы…

Терминал, расположенный справа от кресла главы корпорации, вдруг издал серию тонких тревожных сигналов. Дейвид Мошер, вице-президент корпорации, которого Мари также знала в лицо, молча покосился на экран. Протянув руку, он отключил зуммер, но плавное течение скорбной речи Майлера уже было безнадежно скомкано.

Мари вдруг ощутила смертную тоску. Все происходящее казалось фарсом на фоне обрушившейся на нее утраты. Они не могут так говорить об отце, не могут соболезновать ей,

потому что сами не испытывают и сотой доли той потрясенной скорби, которая ледяным комом застыла в ее груди.

– Как это произошло?.. – Она нашла в себе силы задать этот вопрос, хотя каждое слово давалось с трудом, а пересохшее горло казалось шершавым, как кусок наждачной бумаги.

– Это был несчастный случай, – ответил Майлер, взяв со стола тонкую прозрачную папку.

– У него отрезана голова… – тихо произнесла Мари.

Фон Браун вздрогнул, но это была лишь мгновенная, тут же подавленная усилием воли слабость.

– Там, на заводе, произошел взрыв, – негромко проговорил он. – Кроме твоего отца, пострадали еще несколько десятков человек, и некоторых из них действительно пришлось собирать по кускам… – Он осекся, заметив, что силы вот-вот покинут измученную Мари, и не стал продолжать – просто протянул ей папку.

Она взяла ее похолодевшими, дрожащими пальцами.

– Там официальный отчет, все необходимые тебе документы и кредитная карта… – Он скорбно вздохнул. – Твой отец проработал в корпорации двадцать лет, и мы не хотим, чтобы ты нуждалась хоть в чем-то.

Мари не нашла сил ни на возражения, ни на благодарность.

Наступила неловкая пауза. Тишина казалась тягостной, осязаемой.

– Если тебе что-то понадобится, обратись к моему секретарю, вот визитная карточка. Мы все сделаем, уверяю тебя.

Мари машинально кивнула. Ей не хотелось находиться тут. Она не понимала, почему принесенные этим человеком соболезнования так сильно ранят ее и, вообще, отчего проявленное к ней участие причиняет боль?.. Трудно было дышать… Ей хотелось выйти отсюда на воздух поскорее, поэтому она взглянула на фон Брауна, с трудом заставила себя кивнуть и пошла к двери.

– Почему вы не сказали мне сразу?.. – уже находясь на пороге, задала она свой последний вопрос.

Очевидно, Майлер фон Браун ждал чего-то подобного и потому ответил, не задумываясь, заранее заготовленной фразой:

– Мы не хотели обрекать тебя на муку полуторамесячного ожидания, пока корабль с телами погибших возвращался на Землю.

Формулировка была гладкой, обтекаемой, *дежурной*, но у Мари уже не осталось сил на уточняющие вопросы.

Дверь за ней закрылась, тихо клацнув старомодным замком.

* * *

Фон Браун несколько секунд смотрел на затворившуюся дверь, потом резко обернулся.

– Ну? – Его взгляд неприязненно скользнул по терминалу компьютера. – Что там еще стряслось?

– Мы только что потеряли связь с автоматикой атмосферного процессора, расположенного в пятнадцати километрах от эпицентра, – ответил ему Дейвид Мошер.

– Черт… – Майлер вернулся в свое кресло. – Толмачев, почему это происходит?!

Человек у окна медленно обернулся. Сигарета, зажатая между пальцами, курилась сизым дымком. Столбик пепла упал на дорогое покрытие и рассыпался кучкой праха, но Анатолий не заметил этого.

– У меня нет комментариев, господин президент, – наконец глухо произнес он.

– Почему? – Фон Браун продолжал сверлить его тяжелым взглядом.

Анатолий несколько секунд медлил с ответом, но потом все же решился высказать правду:

– Я занимаюсь не своей работой, – пояснил он. – Прошло две недели, как я принял дела от покойного Френка Лаймера, но большую часть времени меня заставляли лгать и изворачиваться перед прессой.

– А кто должен это делать?! – вступил в разговор молчавший до сих пор Ганс Бюрге, пресс-секретарь корпорации, все это время расхаживавший по кабинету. Он остановился напротив Толмачева и внезапно ткнул его пальцем в грудь. – Вы несете ответственность за пятьдесят шесть жизней и не пытайтесь увильнуть от этого!

Дейвид Мошер с интересом обернулся. Тучный, низкорослый Бюрге никогда не вызывал у него особых симпатий, а сейчас казался вовсе отвратительным. Нужно будет запомнить, что он первым начал поиск козла отпущения в заваривающейся на глазах каше…

На лице Толмачева поверх бледности выползли пунцовые пятна, но Бюрге продолжал давить его пальцем в грудь.

– Меня рвут на куски эти шакалы из прессы, они хотят крови, а что я им должен ответить?! – напирал он. – Без комментариев?! Пятьдесят шесть трупов – без комментариев?! – Голос Бюрге вдруг сорвался на визг.

– Я не несу ответственности за взрыв на заводе! – огрызнулся Толмачев.

– Ну-ка заткнитесь, оба! – рявкнул на них Майлер.

В кабинете мгновенно наступила мертвая тишина.

Бюрге, который поперхнулся готовой слететь с губ фразой, так и остался стоять с открытым ртом, глядя на главу корпорации, и в его влажном взгляде угадывались два чувства: страх и неприязнь.

За двадцать пять лет Ганс успел поработать с тремя фон Браунами, не считая нынешнего и его жены Кейтлин, которая руководила корпорацией всего два года. Уживаться с людьми, удерживающими в руках бразды правления доброй половиной Европейского континента, всегда было нелегко, но Майлер, по мнению Бюрге, своей жесткой деловой бескомпромиссностью переплюнул всех своих предшественников, вместе взятых.

Нынешний глава корпорации ошибочно именовался в прессе представителем десятого поколения знаменитой фамилии, на самом деле он не был прямым потомком Дитриха фон Брауна, основавшего корпорацию в конце двадцать первого века, а унаследовал бразды правления десять лет назад, получив их от своей жены после громкого краха проекта «Европа»…

Бедная Кейтлин, подумал Бюрге, *ежась под тяжелым взглядом Майлера. Все эти годы он в таких ситуациях вспоминал почему-то именно ее – бездарную и безвольную, заведшую корпорацию в тупик и поставившую ее на грань банкротства…*

– Я вызвал вас сюда, господа, не затем, чтобы слушать взаимные нападки, – нарушил его мысли голос Майлера. – А ваше нытье, Бюрге, мне просто осточертело.

– Но погибшие, господин фон Браун… Их семьи, общественность…

– Меня не интересуют трупы, меня интересуют деньги! – мрачно произнес Майлер в своей обычной резкой и лаконичной манере, которую неискушенные оппоненты часто воспринимали как недалекий цинизм. – Те деньги, которые вбиты мной в колониальный проект! – продолжил он свою мысль. – Мне надоело выслушивать статистику убытков и перечень мелких катастроф, будто на Марсе нами построена не колония, а карточный домик, который вдруг начинает расползаться и рушиться у всех на глазах! В чем причина, господа? Кто может разумно объяснить мне происходящее?

Толмачев почувствовал, что взгляд фон Брауна опять направлен на него.

– Техника выходит из строя под внешним воздействием, – не поднимая головы, ответил он. – Все началось с необъяснимого взрыва на заводе, и теперь, если взглянуть на динамическую карту, то станет очевидно – зона, где происходят внезапные поломки и катастрофические

разрушения, расширяется в виде окружности со скоростью от ста до трехсот метров в сутки. Из-за приказа об изоляции очага поражения и режима строгой секретности я не смог получить ни одного образца неисправной техники для серьезных исследований…

После его слов в кабинете на некоторое время установилась тишина, нарушить которую решился Бюрге:

– Господин президент, мне нужны четкие указания, какие сведения я могу предоставлять прессе?

Поймав тяжелый взгляд фон Брауна, Ганс мысленно пожалел о своей инициативе и поспешил добавить:

– Они действительно рвут меня на части, сэр… Я не понимаю, зачем мы вообще дали ход информации по катастрофе, неужели ее нельзя было замять на месте?

Вместо фон Брауна Гансу ответил Мошер:

– Бюрге, ты, верно, забыл, что взрыв произошел на границе с сектором концерна «Новая Азия»? – напомнил Дейвид, вертя в пальцах дорогой портсигар. – Они подняли вой, и мы были *вынуждены* протащить тела погибших через земной карантин, чтобы убедить всех, что произошла обычная промышленная катастрофа. – Он поднял взгляд на Бюрге. – Вот и действуй соответствующим образом, Ганс. Никаких комментариев относительно сегодняшнего положения дел, – там произошел промышленный взрыв, виновные будут выявлены и наказаны в ходе внутреннего расследования. Корпорация приносит соболезнования и выплачивает компенсации семьям погибших. Все остальное – без комментариев, понял?

– Да.

– Вот и хорошо. Теперь я хочу выслушать тебя, Анатолий. – Мошер, решив взять инициативу в свои руки, обернулся к новоиспеченному главному инженеру корпорации. – Твои обиды и недоумения мы поняли. Больше тебя не будут привлекать для общения с прессой, – пообещал он. – Сейчас меня интересует, что ты узнал, изучая материалы, оставленные покойным Френком? Неполадки начались за два месяца до этого взрыва, и он, насколько я знаю, отправился на Марс, чтобы лично проверить какие-то свои гипотезы. Ты изучил его бумаги?

– Да.

– Что ты понял из них?

На лице Анатолия отразилась мгновенная борьба чувств.

– Я не люблю делать скоропалительные выводы, – наконец произнес он. – Френк предполагал, что сбои в работе автоматики связаны с микроскопическими чужеродными вкраплениями, которые были обнаружены в энергоемких узлах, там, где присутствуют сильные магнитные поля. Серебристые пятна неправильной формы толщиной от миллиметра до нескольких микрон – вот все аномалии, которые удалось зафиксировать до взрыва. Среди рабочих это явление успело получить свое название: ртутная плесень. Некоторое время пятна просто соскабливали с кожухов генераторов, не придавая им должного значения. Френк в своих заметках полагал, что эти пятна являются результатом жизнедеятельности неких неизвестных науке микроорганизмов, которые разрушают или каким-то образом преобразуют металлы, что, в свою очередь, приводит к поломкам механизмов.

– Поэтому он решил вылететь на Марс? – неприязненно предположил фон Браун. – Хотел совершить открытие?

– Не знаю, – развел руками Анатолий. – Я думал, его командировка была санкционирована…

– Ладно, – перебил его Мошер. – Это уже не твой вопрос. Если причиной взрыва на перерабатывающем комплексе явилось разрушение защиты генераторов, то как мы можем защитить уцелевшее оборудование и остановить распространение аварий?

Толмачев нервно передернул плечами.

– В своих записях Френк особо акцентировал внимание на том, что плесень появляется в местах, где явно присутствуют высокие энергии. Мне кажется, что в свете сегодняшней ситуации спасти положение может только полное отключение всех действующих систем. Мы теряем жизненно важные узлы управления, из-за этого происходит разрушение исполнительных коммуникаций. Если сейчас, немедленно отключить оборудование нашего сектора колонии, то можно спасти семьдесят процентов капиталовложений, но это чисто техническая рекомендация. – Он посмотрел на фон Брауна, который внимательно слушал его.

– Сэр, мы не можем вести дело таким образом, – возмутился Бюрге. Он резко обернулся, посмотрев на Толмачева так, словно там стоял не человек, а злой демон. – Корпорации «Дитрих фон Браун» принадлежит большая половина всей планетопреобразующей техники и систем контроля за атмосферой Марса! Их замораживание приведет к гибели огромного количества людей, ведь мы не сможем эвакуировать оттуда более тысячи человек в месяц!

Майлер фон Браун слушал этот диалог, больше похожий на перебранку, продолжая тяжко размышлять о своем.

Десять лет назад он принял корпорацию от своей жены Кейтлин в плачевном состоянии. Все основные активы находились в тот момент в проекте «Европа», который, вероятно, казался его предкам беспроигрышной аферой, но жизнь рассудила по-своему, проект *провалился*, и ему пришлось буквально по миллиметру вытаскивать крупнейшую корпорацию Европейского Союза из финансовой пропасти. Воспоминания тех лет были слишком болезненны и поучительны, чтобы он мог позволить себе еще раз потерять основную часть активов. Здесь в игру вступали такие деньги, на фоне которых резко обесценивалось все, вплоть до человеческих жизней, и он понимал, что действовать нужно резко и решительно, пусть и болезненно.

– Что мы реально имеем на сегодняшний день? – так и не придя к конкретному мысленному решению, спросил он.

Анатолий понял, что отвечать опять предлагают ему.

– Зона поражения с заводом в ее эпицентре локализована и составляет окружность радиусом в двадцать километров, – сообщил он. – Ежедневно на три километра в глубь этой территории производится термическая зачистка. Пока что удалось сохранить режим секретности, выдавая все за эксперименты по преобразованию атмосферы, но цепь мелких аварий продолжает развиваться внутри зоны отчуждения. – Толмачев покосился на компьютерный терминал и добавил: – Потеря связи с автоматикой атмосферного процессора только подтверждает серьезность ситуации…

– Потеря связи грозит катастрофой? – спросил фон Браун.

– Нет, – ответил Анатолий и тут же пояснил: – Предполагая развитие поломок, мы ввели все системы в режим глубокой консервации еще неделю назад. Реактор заглушен и может находиться в таком состоянии как минимум год без вмешательства и контроля извне.

Фон Браун опять задумался, потом посмотрел на собравшихся и сказал:

– Я пока не готов принять окончательное решение. – Он перевел взгляд на Бюрге. – Ганс, держи прессу в разумных рамках. Я понимаю, что теперь, после прибытия корабля с телами погибших, это будет нелегко, но в твоем распоряжении достаточно средств, чтобы заткнуть пасть особо говорливым и выиграть для нас еще немного времени. Было бы идеально, чтобы шум вокруг катастрофы на Марсе вообще заглох. – Взгляд фон Брауна переместился на Толмачева. – Анатолий, подготовь все оборудование в радиусе пятидесяти километров вокруг зоны к аварийному отключению. Сколько оттуда до следующего процессора по переработке атмосферы?

– Сто километров, – ответил Толмачев. – На равном удалении находятся еще три процессора – два принадлежат концерну «Новая Азия» и один русским.

Фон Браун кивнул. Он ни на минуту не забывал о том, что все, как назло, происходит очень близко от границы трех секторов освоения…

– Мошер, останься. Нам с тобой надо обсудить еще ряд вопросов.

* * *

Хмурые небеса расплакались нудным моросящим дождем.

Мари ощутила, как порыв холодного ветра, несущий морось по ущельям улиц, вырвался на простор площади. Она поежилась. Ее взгляд скользнул по фасаду небоскреба, на миг задержался на хаотичном узоре освещенных окон, потом вернулся назад, к влажному стеклобетонному покрытию улицы.

Над городом быстро сгущались сумерки. Народу вокруг было немного, час пик уже минул, а редкие прохожие спешили укрыться от непогоды в остекленных галереях многоуровневых переходов, по которым струились неторопливые ленты эскалаторов.

Шли минуты, а Мари все стояла напротив входа в здание головного офиса «Фон Брауна», пребывая в состоянии ошеломленной, подавленной растерянности. Все вокруг казалось чужим, незнакомым, будто горе, обрушившееся на нее, имело силу видоизменять саму реальность. Мари казалось, что город опустел не просто так, взгляд сквозь навернувшиеся слезы делал контуры окрестных зданий мутными, расплывчатыми, а маленькие фигурки людей, появляющихся и исчезающих за стеклянными стенами переходов, только усиливали ощущение того, что жизнь внезапно потекла мимо, спеша в тепло и уют чужих судеб…

Разум Мари все еще пытался зацепиться за реальность хмурого осеннего вечера, но ее душа, не выдержав удара, надломилась и уже существовала вне этого мира, который внезапно потерял всякую привлекательность и смысл.

…Через несколько минут ее легкая одежда начала промокать, неприятно прилипая к телу, и она медленно пошла к остановке общественного монорельсового транспорта.

В руках Мари сжимала согнутую пополам папку из прозрачного тонкого пластика, внутри которой содержались официальные документы, свидетельствующие о смерти ее отца…

* * *

Оставшись вдвоем, Мошер и фон Браун некоторое время молчали.

– Ладно, Майлер, давай говорить начистоту, – наконец произнес Мошер, щелкнув портсигаром. – Нравится тебе Бюрге или нет, но он прав – мы не можем действовать определенным образом. Есть черта, за которую нельзя переступать. Остановка атмосферных процессоров повлечет за собой гибель множества людей, и не думаю, что этим мы спасем капиталовложения на Марсе.

Фон Браун, прищурясь, смотрел за окно, мимо Мошера.

– Боишься толпы? – тихо спросил он. – Думаешь, не найдется новых кандидатов на освободившиеся места в колонии?

– Найдутся. Но ты напрасно недооцениваешь так называемую толпу. Люди сейчас быстро впадают в крайность, а по всему миру отыщется немало тех, кто недоволен существующей колониальной политикой корпорации.

– И что делать? – Майлер перевел взгляд на своего заместителя. – За последние десять лет в Марсианскую колонию вложено сорок миллиардов евро!

– Да, такими деньгами не шутят, – согласился Дейвид. – Но ты иногда слишком прямолинеен. Нужна толика гибкости.

Фон Браун покачал головой. Мошер всегда удручал его излишней склонностью к намекам и недосказанности.

– Говори прямо, Дейвид.

Мошер прикурил и только затем продолжил развивать свою мысль:

– Мы не виноваты в случившемся, верно? События свалились нам как снег на голову, их никто не мог ни предвидеть, ни тем более предотвратить.

– Дейв, ты решишься преподнести подобные аргументы нашим инвесторам? – раздраженно перебил его Майлер. – Не забывай, что после провала проекта «Европа» мы все еще зависим от денежных поступлений со стороны.

Мошер кивнул.

– Мы говорим об одном и том же. Я лишь хотел подчеркнуть, что эти события, на мой взгляд, больше напоминают стихийное бедствие.

Фон Браун встал. Меряя шагами кабинет, он некоторое время тяжело размышлял над создавшейся ситуацией, потом остановился у выходящего на площадь панорамного окна и обернулся.

– Два месяца назад нечто подобное в этом кабинете утверждал Френк, – произнес он, глядя на Мошера. – Ты можешь разыгрывать перед Бюрге наивное непонимание, но Лаймер предвидел развитие событий, помнится, даже говорил о том, что нам грозят серьезные проблемы. Как назвал он эту пакость? Внеземной формой жизни? Помнишь, как выторговывал он у меня эту отсрочку, ссылаясь на необходимость исследований? К чему они привели? Он был лучшим специалистом корпорации, причем, что немаловажно, проверенным специалистом. Теперь он лежит в холодильнике морга, а вместе с ним – целая смена инженеров и рабочих. События непоправимые. Скажи, кому теперь доверить это дело? Толмачеву, которого трясет, как только он переступает порог моего кабинета? – Фон Браун брезгливо поморщился. – Нужно реально что-то делать, Дейв, иначе корпорацию ждут потрясения еще более худшие, чем были в случае с «Европой».

– Послушай, Майлер, я помню разговор с Френком. Он ведь не просто выторговывал время для своих исследований, он, кажется, упоминал о перспективах…

– Из семи спасателей, занимавшихся после взрыва на заводе расчисткой завалов и извлечением трупов, в живых не осталось никого, – резко возразил фон Браун. – Там не было излучения, не зафиксировано никаких бактериологических загрязнений или выбросов ядовитых химических веществ. Спрашивается, почему они умерли?

– Не знаю, – откровенно ответил Мошер. – Я читал результаты вскрытия погибших при взрыве людей. Это ведь действительно была промышленная катастрофа! – повысив, против обыкновения, голос, напомнил он. – Службы земного карантина не обнаружили никаких патологических изменений во внутренних органах.

– Да, потому что им подсунули исключительно чистые трупы. А семерых спасателей никто не вскрывал, – напомнил собеседнику Майлер. – Туда никто не может войти – техника отказывает, продвинувшись всего на полкилометра в глубь зоны, люди способны проникнуть дальше, но потом связь внезапно обрывается и об их судьбе остается только гадать. Исключением из этого правила стал только отец бедняжки Мари… – Майлер вернулся в свое кресло и, протянув руку, взял портсигар Дейвида. – Он не погиб при взрыве – его лишь сильно контузило, и Френк сумел продержаться там несколько дней, преодолев пространство в двадцать пять километров. – Фон Браун вытащил сигарету, прикурил и спросил, выпуская дым: – Так кто, по-твоему, сначала поджарил его, а затем отрезал ему башку, если, кроме спасателей, в зону взрыва не проникала ни единая душа?!

Дейвид Мошер некоторое время размышлял над заданным вопросом.

– Один из них, больше некому, – с раздраженной растерянностью в голосе вынужден был признать он. – Труп Френка обнаружили возле самого периметра утром седьмого дня после взрыва. Карантинный купол бригады спасателей уже тогда не отвечал на радиосвязь. Посмотри, вот увеличенные кадры района, сделанные с орбиты в тот злополучный день, когда после восхода солнца охрана периметра увидела тело Френка. – Мошер протянул руку, коснувшись нескольких сенсоров на терминале.

Картинка оказалась нечеткой, расплывчатой, – давало себя знать близкое присутствие работающего атмосферного процессора, который, помимо вновь образованного кислорода, с периодическими интервалами выбрасывал в небеса специально разогретую углекислотную смесь. Расползаясь в верхних слоях марсианской атмосферы, она образовывала плотный, постоянно подпитываемый облачный слой, необходимый для поддержания парникового эффекта на поверхности преобразуемой планеты. Эта мера была призвана сгладить резкие перепады между дневными и ночными температурами и работала весьма эффективно.

Затрудненное наблюдение за поверхностью планеты с ее орбит было одним из характерных неудобств технологии углекислотного облачного щита, но с этим приходилось мириться.

– Вот эти пятна, – Дейвид постучал пальцем по защитному стеклу монитора, – определены как тепловые сигналы человеческих тел. Об этом же свидетельствуют личные радиомаяки, но я делаю упор не на них, а на тепловой отпечаток, чтобы ты понял – они были живы на тот момент, но по непонятной причине ушли из купола и разбрелись кто куда.

– Зачем им было убивать Френка?

– Вот и я все время думаю об этом, – сознался Мошер. – Бедняга Френк ведь почти выбрался оттуда… Они все спятили, Майлер, иного объяснения я не нахожу. Семеро здоровых, тренированных мужиков… – Дейвид сокрушенно покачал головой, с силой загасив окурок в пепельнице. – Что заставило их уйти из купола? Почему они разбрелись поодиночке, а потом умерли?

Фон Браун молча потянулся за новой сигаретой.

У него не было ответов на эти вопросы. Единственное, в чем Майлер был уверен на все сто процентов, – это в образе своего мышления. Он являлся главой огромной корпорации, которая занималась конкретным бизнесом, и сейчас, когда этот бизнес оказался под угрозой, нужно было действовать жестко и решительно, чтобы спасти дело.

Глядя на Мошера, он спрашивал себя: почему мы тянули полтора месяца, теряя людей и технику, пытаясь доискаться до каких-то причин происходящего?

Ответ был прост. Даже им, давно утратившим все иллюзии в борьбе за деньги и власть, нужно было *время,* чтобы морально созреть для совершения определенных поступков. Проклятый Марс подспудно давил на психику, напоминая одним своим именем – это не Земля, это колония, космос, внеземелье…

– Тянуть дальше нельзя, Дейвид, – произнес он. – Настало время принимать конкретные решения. – Фон Браун откинулся на спинку кресла, глядя на своего заместителя. – Мне кажется, что ситуация складывается слишком непонятным и зловещим образом. Что-то разрушает коммуникации, сводит с ума людей, и это происходит таким загадочным, неординарным образом, что всякие происки третьих лиц можно исключить.

– К чему ты клонишь, Майлер?

– Еще немного промедления, и мы начнем испытывать серьезнейшие проблемы. Весь марсианский проект под угрозой, и я считаю, что нужно воспользоваться советом Толмачева – отключить все оборудование и выждать.

– Неразумно, – отрицательно качнул головой Мошер. – Остановив атмосферные процессоры и заморозив системы жизнеобеспечения, мы лишь ускорим свой конец. Наши клиенты слишком взыскательны, чтобы простить нам такие вольности. Если там по нашей вине погибнут не просто рабочие, а состоятельные люди, колонисты, то в дальнейшем все полетит коту под хвост, даже в том случае, если временное отключение спасет оборудование и остановит процесс распространения поломок. – Он щелкнул портсигаром и добавил: – Анатолий давал технические советы исходя из доступного ему знания, но мы-то с тобой не можем питать иллюзий. Ты верно заметил – это не чьи-то там происки, не случайность, не брак комплектующих, в районе действительно завелась неизвестная нам дрянь. Нужно во всем разобраться и подрубить проблему под корень – это единственный способ спасти положение.

Майлер слушал его, неприязненно обдумывая каждое сказанное Дейвидом слово. Ему казалось, что вместо мыслей в голове ворочаются тяжелые булыжники…

Вывод напрашивался уже давно, с того дня, как первый дистанционно управляемый робот вполз в покинутый купол спасателей. Там изнутри все было залеплено какой-то серебристой дрянью. Надежнейшая модель сервомеханизма, испытанная в сотнях нештатных ситуаций, проработала еще двадцать секунд, а потом просто отказала…

Да, они с Мошером прекрасно понимали друг друга и говорили фактически об одном и том же. Фон Браун испытывал в эти минуты мучительное беспокойство, потому что понимал: на Марсе обнаружилось нечто выходящее из ряда вон. Пока все удается держать в тайне, но что будет, когда история выплывет на свет? Он не являлся ученым и не мог радоваться появлению в его владениях чего-то загадочного. Майлера фон Брауна устраивал лишь тот Марс, к колонизации которого приступили его предки много веков назад: мертвый, пустынный, напрочь лишенный самого намека на жизнь, а потому – полностью предсказуемый.

Нас обяжут свернуть все работы, – в который уже раз подумал он, – *колония мгновенно превратится в поприще для разного рода исследований, а мы останемся тут, на Земле, отброшенные назад в своих планах, и будем вести затяжную войну со страховыми компаниями…*

– Майлер, кажется, мы оба созрели для принятия адекватных решений, – произнес Мошер, угадав ход его мыслей. – Выход один: на известном пространстве должно быть уничтожено все, желательно ядерным ударом с орбиты. И сделать это, по возможности, должны не мы – вот на что я намекал, говоря о гибкости. Зачем дразнить спящую собаку? Нужно повернуть дело таким образом, чтобы мы могли не убивать, а спасать людей на Марсе, тогда мы не потеряем ни одного клиента, избавившись при этом от так неожиданно возникших проблем.

Фон Браун внимательно слушал Мошера, то хмурясь, то немного светлея лицом, в зависимости от ассоциаций, к которым подталкивали его слова Дейвида, но последнее утверждение заставило его фыркнуть:

– Евросоюз никогда не станет бомбить Марс. Ты, верно, бредишь, Дейв.

– Ты не прав. – Мошер глубоко затянулся. – Вспомни семьдесят пятый год…

Фон Браун вздрогнул.

Действительно, прецедент существовал.

– Азиатская чума?

– Верно, – кивнул Мошер. – Руины двух городов до сих пор светятся по ночам, не находишь? – Он коснулся сенсора на клавиатуре терминала, вызвав на монитор карту интересующего его сектора колонии. – Смотри, вот удобный промышленный поселок, расположенный на территории, принадлежащей концерну «Новая Азия». Сто пятьдесят километров до нашей злополучной зоны. Постоянное население – тридцать два человека, занятых на обслуживании введенного в строй год назад атмосферного процессора. Что, если там внезапно вспыхнет эпидемия? – Он посмотрел на фон Брауна. – Единственное эффективное средство борьбы с этой мутацией вируса – ядерный котел, а Евросоюз еще достаточно напуган двумя прошлыми вспышками болезни, против которой не нашли реального противоядия.

Майлер покосился на экран. *Значит, ты созрел раньше меня, Дейв? Все уже продумал заранее?*

Они встретились взглядами.

– Мы не ученые, – произнес Мошер, повторяя те мысли, которые минуту назад посещали фон Брауна, что лишний раз доказывало близость их взглядов на окружающий мир. – У нас есть конкретные интересы на Марсе, которые нужно защищать. По мне, все равно, кто угрожает делу – зарвавшийся конкурент или неизвестный вид инопланетной дряни, – честно сознался он. – Мы живем в жестоком мире, Майлер, где за все надо платить. – Он открыл потайное отделение портсигара и, усмехнувшись, показал уложенные туда шарики янтарного цвета. – Я плачу за все, даже за сон. По пятьдесят евро каждую ночь. И не собираюсь отказываться от

своего образа жизни из-за того, что кожухи наших генераторов грызет какая-то микроскопическая тварь. Препятствия нужно убирать с дороги, а эти азиаты – потенциальные свидетели наших неприятностей. Запустим им вирус, и дело можно считать закрытым. В Европе слишком свежи воспоминания о чуме восьмидесятых. Они разбомбят очаг эпидемии или вынудят к этому власти Китая, а вместе с зараженным поселком сгорят и наши проблемы на сопредельной территории.

На минуту в кабинете повисла тишина.

– Нет, – подумав, наконец ответил фон Браун. – Долго и ненадежно. Но основная идея принята. – Мысль Майлера, получив необходимый толчок, работала быстро. Он протянул руку, указав на маркер атмосферного процессора, расположенный рядом с поселком, который имел в виду Мошер. – Думаю, что аварию атомного реактора организовать проще и быстрее. Смотри, – он прочертил воображаемую линию от станции переработки атмосферы, принадлежащей концерну «Новая Азия», к тому атмосферному процессору, который находился непосредственно в зоне заражения и был, по словам Анатолия, законсервирован еще неделю назад. – Взрыв у новоазиатов накроет и наш процессор, – развил свою мысль фон Браун. – Произойдет второй взрыв, который вычистит зону наших проблем. Мы же останемся вне подозрений, причем не пострадает ни один клиент корпорации – ближайший заселенный район удален на четыреста километров, и мы приложим *героические усилия*, чтобы радиоактивное загрязнение, возникшее по вине концерна «Новая Азия», туда не проникло.

Мошер ответил не сразу. Некоторое время он размышлял, мысленно взвешивая все «за» и «против», поглядывая при этом на компьютерную карту, потом кивнул.

– Да, это надежнее, – согласился он. – Остается один вопрос: кто станет исполнителем?

Фон Браун помрачнел.

– После недавних событий у нас не осталось достаточно надежных профессионалов на Марсе, – вынужден был признать он. – Дело тонкое, тут нужен специалист высшего класса.

– У меня есть такой человек. – Мошер опять что-то прикинул в уме. – Через три дня с орбиты Земли уходит «Янус». Мы сможем удержать ситуацию еще в течение месяца?

– Думаю, да.

– Тогда вопрос об исполнителе снят. Остается удержать происходящее под контролем и подготовиться к грядущим событиям. Надеюсь, мы переживем этот кризис. Бывало ведь и хуже, верно?

Фон Браун не ответил. Он опять смотрел в окно, за которым светился огнями город и бесновалась осенняя непогода.

– Одолжи мне одну из твоих пилюль, Дейв… – внезапно попросил он.

Глава 2

Колония на Марсе. То же время…

Маленький опрятный город спал, свернувшись зябким калачиком кольцевых улиц, под низким, давящим серым небом.

Температура к рассвету все еще падала до отрицательных значений по шкале Цельсия, но это уже были не те трескучие, мертвые морозы, с которыми пришлось столкнуться первопроходцам, высадившимся на красную планету более двух веков назад.

История освоения Марса напрямую связана с глобальными потрясениями, которые испытывало человечество на протяжении последних веков своего развития. Тотальное перенаселение и наступивший дефицит естественных ресурсов родной планеты неизбежно выдавливали цивилизацию в космос, и вопрос, куда будет направлена зарождающаяся колониальная политика, решался в этом случае простым сравнительным анализом общеизвестных фактов.

Орбита Меркурия расположена слишком близко к Солнцу. Этот маленький раскаленный шарик, лишенный воздушной оболочки, никак не сообразуется с понятием «жизнь».

Венера, на которую возлагали свои утопические надежды фантасты середины двадцатого века, не оправдала этого доверия при более внимательном ее изучении посредством спускаемых космических аппаратов. Вторая планета Солнечной системы на поверку оказалась слишком «горяча», да и давление на ее поверхности, достигающее ста атмосфер, не располагало к организации поселений под открытым небом. Два этих фактора могли быть преодолены в отдаленном будущем, но к началу колониальных изысканий они ставили на Венере жирный крест, перечеркивая практическую вероятность ее немедленного и эффективного освоения.

Следующим кандидатом на звание новой родины для растущего человечества могла бы стать Луна – верная спутница Земли, но у «серебряной планеты», как ее называли поэты прошлых веков, из-за малых размеров и низкого значения гравитации возникли бы серьезные проблемы с сохранением атмосферы. Луна в современном виде не может удерживать не то что атомы кислорода – даже более тяжелые газы под влиянием солнечного излучения истекают от ее поверхности в космос, – поэтому спутница Земли была признана более подходящей для роли сырьевой базы, чем для полномасштабной колонизации.

Планеты-гиганты, в группу которых входят Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун, слишком удалены от Солнца, поэтому ни они, ни их многочисленные спутники в колониальном проекте не рассматривались.

Таким образом, при внимательном изучении фактов единственным реальным кандидатом на колонизацию оказалась четвертая планета Солнечной системы.

Марс отвечал требованиям колониальной программы по двум основным параметрам: во-первых, годовые колебания температур на его поверхности укладываются в промежуток между тридцатью и минус ста градусами по шкале Цельсия, что уже приемлемо для существования определенного спектра простейшей органики, а во-вторых, Марс имеет атмосферу, на девяносто пять процентов состоящую из углекислого газа, который, как известно, составляет основу метаболизма выделяющих кислород простейших органических форм.

В идеале колонизация четвертой планеты Солнечной системы должна была стать проектом международным, и осваивать мертвые пространства коричневато-рыжих пустынь действительно начинали космические агентства ведущих мировых держав, но далее жизнь внесла свои весомые и достаточно неожиданные коррективы в планы отдельных людей и правительственных организаций.

…Маленький опрятный город спал, свернувшись зябким калачиком кольцевых улиц, под низким, давящим серым небом.

В отличие от стихийно возникающих поселений, он был тщательно спланирован и строился исходя из конкретных требований.

Двух– и трехэтажные дома, составляющие основу его застройки, отличались прежде всего своей нестандартной для современной Земли архитектурой. Они ничем не напоминали о существующих на прародине человечества средних нормах плотности населения, когда пеналообразные или пирамидальные небоскребы подпирали облака, образуя ступени городов-мегаполисов. Нет, на Марсе все было иначе, и каждый дом стандартного, среднестатистического поселения рассчитывался всего лишь на одну семью.

Казалось бы, при существующих на Земле проблемах тотального перенаселения такая архитектура неуместна, но тут вступали в игру реальные факторы, которые как раз и определяли преобразование марсианских пустынь, придавая им тот или иной вид.

В силу ряда экономических причин у красной планеты появились *хозяева*, а это, в свою очередь, в корне изменило изначальную колониальную политику.

Спустя двести лет после начала работ по планетному преобразованию Марса в колониальном проекте осталось пять участников: Россия, Европейский Союз, Объединенная Америка, концерн «Новая Азия» и корпорация «Дитрих фон Браун», причем последней принадлежало более шестидесяти процентов всех преобразованных площадей и, соответственно, планетарной техники.

Политика «Фон Брауна» являлась на сегодняшний день определяющей силой марсианских преобразований и была ориентирована прежде всего на получение прибыли, основным источником которой, помимо добычи полезных ископаемых, должны были стать комфортабельные поселения, возведенные на терраформированных площадях Марса. Естественно, что, продавая застроенные участки преобразованных марсианских пустынь, сотрудники корпорации опирались на те слои земного общества, которые могли заплатить реальные деньги за переселение из урбанизированных городов-муравейников на простор «Новой Земли», как все чаще именовали Марс в дорогостоящих рекламных акциях.

Реальность Марса сегодняшнего, нарисованная специалистами «Фон Брауна», демонстрировала потенциальным покупателям оживающий на глазах, обеспеченный всеми удобствами мир, разделенный на обширные, отстроенные «под ключ» усадьбы с полным комплексом робототехники, включая андроидов, в качестве домашней прислуги и броскими, умело обыгранными в рекламе надписями *«private»* на табличках у входа во владения будущих колонистов.

На фоне этого блекли и казались незначительными усилия по тотальному переселению, предпринимаемые странами и союзами государств, – проект «Колония» в течение столетия ненавязчиво перешел в категорию дорогостоящих коммерческих предприятий, и главным игроком на марсианском поле сегодня являлась корпорация «Дитрих фон Браун», монополизировавшая не только шестьдесят процентов освоенных территорий, но и львиную долю добычи полезных ископаемых.

…До рассвета оставалось еще два часа.

Андрей Зыбов проснулся от непонятного шума.

Открыв глаза, он некоторое время лежал, напряженно вслушиваясь в тишину. Ровное дыхание спящей жены не успокоило его, а, наоборот, сделало предрассветные сумерки еще более настороженными и какими-то недобрыми. Разбудивший его шум не повторялся, но уснуть снова Зыбов не смог.

Встав с постели, он подошел к окну.

Над городом висели хмурые, свинцово-серые облака. Накрапывал мелкий дождь. У горизонта несколько раз вспыхнула и погасла оранжевая зарница, но это не удивило Зыбова – он знал, что в той стороне расположен один из атмосферных процессоров – усеченная, похожая на вулкан пирамида, периодически выбрасывающая к облакам столбы призрачного пламени.

В общем-то, жизнь на Марсе Зыбову нравилась. К пятидесяти годам он успел многое сделать на старушке Земле: рано поседел, научился ценить покой и не доверять людям. Заработав приличные деньги на торговле недвижимостью, он в определенный момент осознал, что ритм земной жизни в конце концов доконает его, и билет на Марс в такой ситуации показался ему вполне разумным выходом. Не в привычке Зыбова было слепо доверять рекламе, и сначала он прилетел сюда с ознакомительной экскурсией, которая сама по себе стоила немалых денег, но поездка имела смысл – ознакомившись с конкретными предложениями, Зыбов подписал контракт, в результате которого корпорация «Дитрих фон Браун» получила его агентство со всеми активами, а он – полностью автоматизированную усадьбу на красной планете.

Размышляя здраво, Зыбов еще ни разу не пожалел о принятом решении. Жизнь тут текла спокойно, размеренно, в окружении привычного ему общества состоятельных людей, но без нервотрепки и прочих неприятных аспектов земного бизнеса. Жизнь на Марсе являлась не чем иным, как вполне нормальным, заслуженным отдыхом после многих лет борьбы за выживание в обществе, где плотность населения в городах уже вплотную подошла к цифре сто человек на один квадратный метр урбанизированной площади, а самое приземистое здание насчитывало не менее пятидесяти этажей.

Он закурил и вдруг поймал себя на мысли, что за два года, прожитых на Марсе, он в первый раз стоит у окна полутемной комнаты и нервно курит. Такое состояние, привычное для земных будней, явилось неприятным напоминанием о прошлом.

Непонятно, чем было вызвано такое состояние – не то предчувствием, не то…

Он вздрогнул, потому что в конце просматриваемой из окна аллеи вдруг резко качнулась ветка кустарника и вновь послышался шум.

Некоторое время Зыбов пытливо вглядывался в сумрак.

Чертовы роботы, – неприязненно подумал он, глубоко затягиваясь сигаретой.

Мысль не была случайной, она основывалась на стойкой фобии – Зыбов никогда не приветствовал излишней «человекоподобности» некоторых серийных моделей бытовых автоматов, а в последнее время производящие этот тип техники новоазиаты совсем рехнулись – приспособились вживлять в свои машины искусственно выращенную нервную ткань… «Конечно, иметь в доме прислугу необходимо, но хорошо, что нам не достались эти новинки…» – подумал он, щелчком отправляя окурок за окно. Проследив за полетом мерцающего уголька, который, ударившись о покрытие садовой дорожки, разлетелся гаснущими брызгами искр, Зыбов собирался вернуться в постель, но в этот момент в сумерках опять промелькнула какая-то тень, едва заметная в бледном спектре дневного света, проникающего сквозь остекленные стены расположенных неподалеку оранжерей.

Он напрягся, непроизвольно подумав, что рано решил избавиться от привычки хранить в спальне огнестрельное оружие, – судя по дрожи, которая предательски прокралась от спины к затылку, вес автоматического пистолета в руке был бы сейчас лучшим успокоительным.

– Эй, кто там?! – хрипло осведомился Зыбов.

На улице стояла мертвая предрассветная тишь.

В конце садовой дорожки, которая вела от крыльца дома к воротам, опять показалась тень. Зыбов невнятно выругался. На этот раз силуэт оказался вполне узнаваемым – по дорожке к брошенному окурку шел дройд…

Кэтрин как-то умудрялась различать их, даже придумала каждому имя, но он не снисходил до подобного рода дурацкой привязанности к металлическим истуканам, ограничившись светящимися в темноте цифрами, которыми пометил свои машины…

Этот не носил на себе личного клейма Зыбова.

Приблудился, что ли? Может, с соседней усадьбы, от Мартинов?!

Дройд, едва слышно шелестя своими сервоприводами, подошел к истекающему дымком окурку и подобрал его. Зыбов продолжал неприязненно следить за испугавшей его машиной.

Сейчас уберет мусор и свалит, – подумалось ему, но нет… андроид зажал окурок между пальцами и вдруг… затянулся!

Зыбов стоял, не смея вздохнуть. Вырвавшийся из подсознания страх, который он тщательно скрывал в повседневной жизни, вдруг ледяными когтями вцепился в горло, не давая сделать очередной вдох.

Я так и знал… Эти новомодные штуки до добра не доведут…

Пока эта мысль оформлялась в голове оцепеневшего человека, андроид еще раз попытался сделать затяжку, но мало преуспел в своем обезьянничестве. Зыбов не обладал глубоким знанием робототехники, но мог поклясться, что за прорезиненными губами механического ублюдка располагалось все, что угодно, но только не гортань, ведущая к легким…

Дройд, похоже, начал подозревать нечто подобное.

Вытянув руку, он посмотрел на дымящийся окурок, который уже истлел до самого фильтра, и Зыбов вдруг услышал синтезированный голос машины:

– Что со мной случилось?.. – Дройд обернулся, посмотрев на расположенную неподалеку оранжерею. – Куда, мать вашу, подевался Нью-Гарлем?.. Где я?..

Зыбов медленно попятился от окна, споткнулся о кровать и с грохотом упал, повалив подставку с искусственными цветами.

Кэтрин испуганно вскрикнула, проснувшись.

– Что случилось?! – Она нашарила рукой выключатель и в свете прикроватного ночника увидела мужа, который, вскочив с пола, лихорадочно натягивал халат.

Он не ответил на ее вопрос – просто выбежал вон, и перепуганная женщина услышала, как через приоткрытую дверь спальни доносится его ругань и тяжелый, характерный звук открывшегося бронированного сейфа, в котором Зыбов держал документы и автоматический пистолет.

Спустя пару минут на улице оглушительно хлопнуло несколько выстрелов.

Земля. Квартира Френка Лаймера

Одиночество вошло вместе с ней в гулкие, ставшие чужими и незнакомыми стены трехкомнатной квартиры на низковысотной фешенебельной окраине города.

Авария на производстве… Сощуренные глаза Майлера фон Брауна таили в себе ложь – чем больше Мари думала об этом, тем более убеждалась, что официальная версия событий – притянутая за уши чушь, призванная успокоить родственников тех, кто погиб на этом проклятом перерабатывающем комплексе…

Ее жизнь внезапно оказалась разбитой вдребезги. Не было сил смириться с этим, а покрасневшие глаза оставались сухими, словно у нее действительно что-то перегорело внутри.

Есть особая близость родителей и детей, когда взросление последних не мешает этим чувствам. После смерти жены Френк Лаймер проявлял особую заботу о дочери – девочка росла рядом с ним, как тонкая лоза, обернувшаяся вокруг надежного ствола приютившего ее дерева.

В семь лет она впервые побывала на Марсе.

Этот факт мог сказать о многом, например о том, какой вес имел ее отец в корпорации «Дитрих фон Браун». Путешествия девочки до Марса и обратно – не загородная прогулка и не командировка в соседний город, а он дважды брал ее с собой и только в этот, третий раз полетел один. Мари уже выросла, у нее начала складываться своя жизнь, на носу были выпускные экзамены и еще куча разных дел, казавшихся ей такими важными, значимыми.

И вот его не стало.

Все рассыпалось, как карточный домик, мгновенно превратившись в прах…

Она понимала, что должна жить дальше, но где взять сил для этого, когда твое сознание неожиданно начинает рушиться в пропасть, когда подрублены все его устои и из жизни безвозвратно ушло все самое ценное?

…Внезапно включился сферовизор. Мари вздрогнула, обернувшись, но проекционная полусфера матово серебрилась снежинками помех – передачи уже окончились.

Она дотянулась до пульта, выключила питание.

Через минуту компьютерный терминал часто замигал приводом активации, но Мари уже не заметила этих судорог, которые неожиданно пробежали по сетевому терминалу и тем электроприборам, что управлялись бытовыми компьютерными подсистемами.

Она сидела у окна, глядя на город, который сначала медленно расцветал феерией огненных красок ночной жизни, а потом начал постепенно угасать, становясь серым, блеклым, утилитарным.

Она не могла заставить себя спать.

Все, что было дорого, значимо, внезапно оказалось в прошлом. На фоне обрушившегося горя бледнели проблемы дня вчерашнего, казались надуманными и смехотворными его радости, стали не нужны назначенные встречи и планы на ближайшее будущее.

Уже за полночь ей позвонил Пит.

Они собирались встретиться в ночном клубе, но Мари после известия о смерти отца и посещения морга не могла даже помыслить о том, чтобы идти на какую-то вечеринку.

– Ну ладно, извини… – выслушав ее, произнес он. – Хочешь, я приеду?

– Зачем? – сжимая трубку мобильного коммуникатора похолодевшими пальцами, тихо спросила она.

– Ну, поговорим, посижу с тобой…

– Спасибо, Пит… Не нужно. Я сама… – Она машинально коснулась сенсора отключения и без сил опустилась в кресло, придвинутое к окну.

Он тоже не испытывал боли. Он был чужим человеком.

Мари не понимала, что с нею творится. Питер, которого она еще вчера считала славным парнем, вдруг вызвал острую неприязнь, и она отчетливо осознавала – это чувство уже не забудется, не пройдет. Моральные удары следовали один за другим, в ней все больше надламывался некий внутренний стержень, и в конце концов ближе к утру она не выдержала.

Нужно было как-то пережить это горе, найти новую точку опоры в пошатнувшемся мире.

Блеклая полоска зари зажглась у горизонта, подкрасив розовым серые облака, цепляющиеся за вершины города-мегаполиса. Она оделась и вышла в сонную прохладу загазованного осеннего утра.

Люди уже проснулись и спешили по своим делам.

Город на глазах превращался в шевелящийся муравейник. Мари некоторое время бесцельно брела по улице, но потом увеличивающаяся толпа прохожих начала затирать ее. Темп городской жизни не подразумевал бесцельных пеших прогулок в утренние и вечерние часы, когда миллионы людей спешили к транспортным развязкам уровней, чтобы успеть на очередной пневмопоезд.

С трудом выбравшись из стремнины людского потока, Мари, растрепанная и помятая, прижалась к холодной стене фасада многоэтажного здания.

Она всегда строго относилась к своей внешности. Хорошо выглядеть, следить за собой – означало в ее представлении возможность испытывать чувство внутреннего комфорта, быть уверенной и спокойной.

Сейчас ее волосы растрепались и спутались. Мари медленно приходила в себя, стоя у стены здания. Несколькими раздраженными движениями она попыталась привести в божеский вид предмет своей недавней гордости, но спутавшиеся волосы, мокрые от постоянно моросящего дождя, плохо подчинялись движению пальцев…

Внутри нее рос непонятный протест. Она чувствовала: еще немного такого состояния – и жизнь окончательно потеряет свой смысл… Требовалось немедленно что-то сделать, встрях-

нуться так, чтобы вытравить из души народившееся в эту ночь равнодушие к самой себе, к окружающему миру, к смыслу жизни…

Заметив тускло сияющую вывеску, Мари пошла в том направлении.

Салон красоты только что открылся, и посетителей еще не было. Навстречу Мари вышла девушка примерно ее лет, помогла снять пальто, пригласила в кабинет.

Мари прошла, села в кресло, несколько секунд смотрела на свое отражение в огромном зеркале, а потом произнесла, вздрогнув от глухого звука собственного голоса:

– Я хочу подстричься.

– Как? – с милой улыбкой спросила девушка, протягивая руку к терминалу, память которого содержала каталоги причесок.

– Не нужно, – остановила ее Мари. – Под машинку.

Что это было? Форма внутреннего протеста? Способ встряхнуть свою психику или осознанное действие, смысл которого ускользал от нее в данный момент?

Мари не нашла немедленного ответа на данный вопрос. У нее были прекрасные волосы, которые она растила несколько лет. Теперь их не будет, и на свет появится новая Мари… Может быть…

Через десять минут, выйдя на улицу, она остановила такси.

– К гаражам Восемьсот шестнадцатого квартала, пятый городской уровень, – произнесла Мари, опускаясь на заднее сиденье.

Она собиралась взять свою машину и съездить к маме.

* * *

Там, где жизнь и смерть неразличимы, рождаются новые, неизвестные ранее чувства.

Мари ощущала, что ее тоскливое безумство затягивается и затягивает ее, словно черный водоворот, вырывающийся за рамки сознания.

Она остановила машину у бетонных ограждений, выкрашенных в кричащую желто-красную «зебру».

Ветер ерошил ее коротко остриженные волосы, холодил непривычную к таким прикосновениям кожу головы, и это ощущение было острым, непознанным, как дальнейшая судьба…

Она прошла несколько шагов, оперлась о холодный шероховатый бетонный блок и застыла, глядя в прозрачную осеннюю даль.

Они с отцом приезжали сюда… Поначалу часто, потом реже – ведь время, как известно, лечит душевные раны.

За прерывистой стеной из бетонных параллелепипедов начиналось мертвое пространство, посреди которого находилась остекленевшая коническая воронка, полная черной стоячей воды.

Мари не видела ее – эпицентр взрыва заслоняли мертвые коробки частично обрушившихся домов. Руины городских окраин обрамляли центр города, словно иззубренный венец, оброненный на землю великаном.

Чего я жду? – со страхом и внутренним смятением думала Мари, глядя на руины. Скорбь этого места смешивалась с ее свежим личным горем, делая его еще более невыносимым.

Неужели все так просто, так окончательно, так жестоко? Зачем же тогда мы живем, мучаемся, ненавидим, к чему-то стремимся, дышим, надеемся, любим?..

Зачем, если настанет миг и все исчезнет вместе с нашим сознанием?

Мари не понимала, что толкает ее именно на такие мысли. Она была измучена суетой города, узостью его стен, ей хотелось покоя, тишины, какого-то простора… И вот она нашла это место – неподалеку от почерневших, закопченных стен, у символической ограды, призванной отделять живых от мертвых…

Это несправедливо, – с какой-то ребяческой, полудетской обидой думала она, глядя на руины города, где когда-то погибла ее мать.

Только повзрослев, она смогла связать воедино два факта: смерть молодой женщины, которую она едва помнила, и кадры страшной видеохроники, запечатлевшие вспышку ослепительного света, возникшую среди скопления высотных домов, и порыв неистовой, всесжигающей *силы*, дуновение которой вдруг вырвалось из тысяч окон сверкающей крошкой разбитого и испаряющегося уже на лету стекла…

Ее мать была штатным сотрудником гуманитарной миссии врачей Евросоюза и не могла остаться в стороне от эпидемии азиатской чумы, которая унесла за один месяц полтора миллиона жизней в двух городах…

Мари никогда не верила в бога, но и не кичилась собственным атеизмом – просто жила, и вот настал миг, когда ей вдруг жутко захотелось: пусть бы хоть кто-нибудь пришел *оттуда*, чтобы опровергнуть постулаты атеизма, поколебать эту удручающую окончательность всего сущего…

А может, мы не там ищем ответ?

Мысленный вопрос показался ей странным, более того, он испугал Мари.

Я просто тону в своем горе, вот и пытаюсь уцепиться за соломинку веры, – подумалось ей.

Ветер, дувший со стороны руин, окреп, он нес с собой холод почерневшего стеклобетона, его прикосновения казались скрипящими, дерущими по коже, словно ржавые крючья торчащей из руин арматуры. Мелкий, зарядивший вдруг дождь неприятно проводил по лицу порывами своей мороси.

Мари внезапно ощутила себя живой.

Она озябла. Ей хотелось назад, в уют автомобильного салона. Оказывается, у любой пропасти есть дно…

Медленно развернувшись, она пошла к машине.

Тихо хлопнула дверка, едва слышно заурчал мотор, мягко осветились шкалы приборов, с шелестом заработал отопитель, подавая к ее ногам сухое, фильтрованное тепло…

Мари сидела, впитывая его своим измученным телом, и ее глаза вдруг начали слипаться – наступил не только моральный, но и физический предел ее возможностей.

Она погружалась в черную бездну провального сна.

Неужели все так и будет – быстро, окончательно, беспросветно?..

* * *

Она спала, и ей снился странный сон…

Огромный сумеречный зал. Сводчатые потолки, под которыми гнездился мрак, холодные стены из серого камня, кое-где прикрытые фрагментами облицовки, вероятнее всего, пластиковой, но точно что не тканой…

Мари на удивление быстро осознала, что данная реальность создана ее разумом, а точнее, подсознанием, и понимание этого сделало картины еще более удивительными, острыми, ведь в жизни у нее не было никаких интересов, связанных с подобными интерьерами, которые на первый взгляд смахивали на обстановку мрачного Средневековья…

Удивление и даже легкий испуг тем не менее не прервали сон.

Любопытство начало разгораться. Она не поняла – повернула ли во сне голову или то была лишь мысль, на которую каким-то образом отреагировала сотканная из грез призрачная реальность, но в следующий миг Мари увидела стоящую у широкого окна женщину.

Она была одета в длинное платье с прямоугольным вырезом на спине, узкое в талии и пышное книзу, растекающееся по каменному полу тяжелым шуршащим шлейфом… Волосы

незнакомки, собранные в прическу, накрывала тончайшая сетка с вплетенными в нее крохотными бусинками.

Мари каким-то образом ощущала, что находится позади нее и чуть правее. Внезапно реальность вновь дрогнула и начала смещаться, реагируя на острое желание увидеть лицо незнакомки.

Теперь она находилась сбоку от женщины, получив возможность взглянуть на нее в профиль.

Незнакомка выглядела лет на тридцать – красота еще не увяла, но бремя неодолимых забот уже наложило свой отпечаток на ее облик, ощущаясь во всем: в напряженной позе, в бархатистой серости лица, во влажном блеске печальных глаз, взгляд которых был устремлен на улицу.

Становилось понятно, что она глубоко переживает нечто происходящее вовне стен этого гулкого зала, но ясно различимое в проеме окна.

Сон становился не просто любопытным. В нем присутствовала какая-то пугающая реальность, *осязаемость*…

Мари тоже взглянула в окно и увидела широкую мощенную брусчаткой улицу, по которой двигалась длинная череда странных телег с ажурными легковесными колесами.

В первый миг ее внимание сосредоточилось именно на повозках, и она не сразу поняла, что их тянут… люди, облаченные в темно-серую свободно ниспадающую одежду, снабженную островерхими капюшонами.

Окно с толстым стеклом не должно было пропускать звук, но Мари в этот миг явственно показалось, что в гулкое огромное помещение все же проникают скрип колес, шарканье шагов по каменной брусчатке, легкий шелест от колыхания одежд и тихие, приглушенные реплики на непонятном языке, которыми обменивались двигавшиеся по бокам обоза воины.

Дальше ее сон приобрел ирреальную и уж совершенно фантастическую окраску.

…Мощеная дорога упиралась в массивные створы ворот, по обе стороны которых вдаль убегала череда колонн, поддерживающих каменный свод, нависающий над образующими улицу строениями.

Пространство между колоннами занимали вставки из прозрачного материала, похожего на стекло толщиной приблизительно в полметра.

Может ли во сне так явственно проползать озноб по шее и затылку?

Взгляд, брошенный сквозь мутноватые овальные окна, показал ей фрагмент непонятного, неприветливого мира, основные краски которого складывались из черного, коричневого и ослепительно желтого тонов.

Близкий горизонт щерился острыми горными пиками, за которые медленно опускался раскаленный диск звезды. Тени от скал казались угольно-черными, освещенное пространство резало глаз своей ослепительной желтизной, и лишь кое-где виднелись темно-коричневые или светло-серые пятна.

Ближайшая к окнам иззубренная стена, наверное, являлась естественной границей кратера, диаметр которого превышал несколько сот километров.

Этот вывод нашептало ее подсознание.

Обоз продолжал медленно тянуться к воротам шлюза.

Сзади, за спиной, раздались шаги. Мари вздрогнула во сне, а женщина в ее грезах машинально взглянула на часы.

Десять.

Время ежесуточного доклада.

Приблизившиеся шаги отчетливо прозвучали в сторожкой тиши огромного зала, и она начала медленно поворачиваться.

Вошедший в зал оказался высоким мужчиной средних лет, с открытым, волевым лицом. Короткая, аккуратно подстриженная бородка скрывала линию его губ, а заодно и несколько свежих, полученных совсем недавно шрамов…

Его одежду составлял матово поблескивающий доспех, пластины которого, прикрепленные к синтетической подложке, вкрадчиво шуршали при каждом движении. Поверх брони, отправляясь на доклад, он накинул темно-серый защитный костюм из очень плотной ткани, с остроконечным капюшоном и прикрепленным к левому плечу прозрачным забралом, от которого под серую ткань расстегнутой защитной накидки убегали две гофрированные трубки дыхательного аппарата.

Воин остановился в нескольких метрах от женщины. Заметив прячущийся в ее глазах печальный блеск, он чуть склонил голову, видимо, приветствуя госпожу, и произнес, отвечая на прочитанную в ее взгляде мысль:

– Коммон ло…

В этот миг Мари ощутила во сне самую настоящую панику. Звук чуждого языка внезапно резанул по натянутым нервам, но проснуться, пусть в холодном поту, но с облегченной мыслью о том, что это всего лишь грезы, она не смогла…

Образы на несколько мгновений потускнели, отдалились, а когда вернулась четкость их восприятия, то вместе с ней исчез и страх.

Она понимала и помнила этот язык!

…Уголки губ женщины дрогнули, но смутная печаль во взгляде исчезла, сменившись холодной проницательностью.

– Обозы отправлены, моя госпожа, – произнес воин. – У нас нет иного выхода, поставки реголита с поверхности должны быть возобновлены, иначе мы рискуем остаться без воды и воздуха.

Женщина кивнула, молча признавая его правоту.

Воин продолжал стоять, глядя в ее похолодевшие глаза. Формально он был обязан доложить о всех событиях минувших локальных суток.

– Караван из Аулии не добрался до нас в течение дня. – Он говорил спокойно, без видимых эмоций. – Наблюдатели видели Сервов на склонах кратера, но они не подходили на дистанцию выстрела. Запасы воздуха и воды не пополнялись, виной тому пылевая буря, которая забила воздухозаборники и принесла с собой больше углекислоты, чем кислорода, процент которого во внешней атмосфере упал ниже десяти единиц. Облако будет стоять в границах кратера до следующего восхода.

– Ты послал людей на поиски каравана? – спросила госпожа, нарушив свое молчание.

– Нет, – ответил мужчина, слегка склонив голову. – Я отрядил всех свободных воинов для охраны уходящих обозов. Мы давно не занимались добычей минералов, и у меня нет сведений о том, какие проблемы могут возникнуть на пути десяти отправленных к старым выработкам отрядов.

Заметив, что она продолжает вопросительно смотреть на него, воин продолжил:

– Сервы больше не спят по ночам. Дозорные говорят, что это не обычные машины. Ими руководят Измененные.

Взгляд женщины непроизвольно скользнул к окну, за которым череда влекомых людьми телег уже подходила к главным шлюзовым воротам города.

– Мы ничего не можем изменить, моя госпожа, – перехватив ее взгляд, произнес воин. – Этот риск оправдан. Вы не можете себя винить в сложившихся обстоятельствах, и уверяю, это не нанесет ущерба вашей…

Он не закончил свою речь, потому что в ее глазах промелькнула досада.

– Я не претендую на непогрешимость, – заметила она. – Жизнь жестока, а эти люди исполняют свой долг, как я исполняю свой. Времена счастья канули в Лету еще до нашего рождения,

и незачем сожалеть о том, чего мы не в силах изменить. Реголит необходим нам, как получаемый из него воздух, а исчезновение каравана из Аулии лишь подтверждает, что днем действовать небезопасно.

– Ночь теперь не менее опасна, моя госпожа, – спокойно заметил воин. – С тех пор как среди Сервов появились Измененные, наша жизнь становится лишь хуже. Я не знаю, чем наш город заслужил это проклятие, но думаю, что со времен Ярости Неба мир не видел более отвратительных тварей. – В его глазах внезапно сверкнул гневный блеск. – Их нужно истреблять, – твердо заявил он, – и для этого следует объединить усилия с теми городами, которые вкусили мерзости Измененных… – Пальцы воина сжались в кулак. – Их надо настигать и истреблять, пока новый вид тварей не превратился в непреодолимую угрозу, моя госпожа…

Она кивнула, вновь отойдя к окну. Внутренние шлюзовые ворота врезанного в скальный монолит города уже были открыты, и очередной обоз полностью втянулся внутрь огромной переходной камеры.

Прощальные лучи солнца освещали близкий горизонт, окрашивая остроконечные пики кратера в ослепительную, золотистую желтизну.

– Да, – согласилась она, глядя, как дно кратера быстро погружается в чернильный мрак. – Нужно объединяться с другими городами. После возвращения обозов подготовь гонцов, я напишу письма всем правителям, включая тех, с кем мы находимся в состоянии войны. У нас появился общий враг, более опасный и жестокий, чем обычные Сервы. – Она немного помолчала, а потом вдруг добавила: – Даже более опасный и жестокий, чем мы сами, верно?..

* * *

Мобильный коммуникатор звонил, не умолкая. Его тонкая прерывистая трель звучала в замкнутом пространстве автомобильного салона тревожно и вызывающе.

Мари открыла глаза, едва ли осознавая, что слышит звонок, и в этот миг сигнал смолк, сдавленно пискнув напоследок, будто нехитрое устройство, закрепленное в специальном держателе на приборной панели, ожидало, пока она откроет глаза.

Это был сон?!

Ее тело затекло от неудобной позы, глаза болели, словно в них насыпали песку, было жарко до ощущения удушья.

Со стоном заставив работать одеревеневшие мышцы, она выпрямилась, машинально коснувшись сенсора стеклоподъемника.

За приоткрывшимся стеклом царила ночь, там по-прежнему бесновался холодный ветер, но его влажное дыхание показалось Мари таким желанным и приятным…

Нашарив рукой сигареты, она прикурила.

Раньше Мари редко запоминала свои сны, но этот стоял перед глазами, словно только что просмотренный фильм.

Коммон ло? – вспомнилась ей резанувшая слух и так сильно испугавшая ее фраза. – *Что бы это могло значить?!*

Она ничего не смогла придумать. Испуганная, напряженная, измотанная еще больше, чем до своего внезапного провала в мир грез, она сидела, с жадностью вдыхая влажную морось напополам со сладковатым дымом сигареты, а ее взгляд рассеянно блуждал по тьме, затаившейся за лобовым стеклом машины.

Ее жизнь была разбита вдребезги, ей снились странные сны… Взгляд Мари остановился на мобильном коммуникаторе.

Красный сигнал на нем горел крохотной рубиновой точкой.

Кто-то звонил ей, пока она спала.

Мари поняла, что ее пальцы дрожат. Пепел от сигареты столбиком упал на колени, рассыпался кучкой праха, в глазах вдруг начало двоиться от навернувшихся слез.

На ум не шло, кто мог так жестоко подшутить над ней. Рядом с рубиновым сигналом крохотной циферкой затаился номер виртуальной линии, по которой пришел вызов.

По договоренности с отцом она не давала этот номер никому, чтобы он мог вызвать ее в любое время.

Сигарета уже дотлела до самых пальцев, но она не ощутила боли. Ее глаза смотрели на коммуникатор, а в душе рос панический страх.

Ну же, – мысленно подстегнула себя Мари. – *Посмотри определитель номера… Давай…*

Ее рука протянулась за приспущенное боковое стекло машины, пальцы, не ощущающие боли от ожога, выронили сигарету, а глаза все так же неотрывно смотрели на цифру.

Третья линия.

Этого не может быть…

А мир, который она видела во сне, – он мог быть или нет?

Иногда легкое касание миниатюрной кнопки способно перевернуть судьбу.

Мари коснулась ее.

Номер, высветившийся на крохотном дисплее, был марсианским номером отца.

Ниже, в строке сообщений, поступающих на автоответчик, изумрудной цепочкой букв застыло единственное слово:

Прилетай.

Мари коснулась пальцами своих дрожащих губ.

Она засмеялась, хотя из глаз в этот миг брызнули слезы.

Она засмеялась, потому что отчетливо поняла: *так наступает безумие.*

Глава 3

Борт космического корабля «Янус-К209НТ»,
владелец – корпорация «Дитрих фон Браун»,
Европейский Союз,
порт приписки – станция «Каллисто»,
земная орбита

– «Янус-209», говорит центр связи «Хьюстон», доброе утро…

– Доброе утро, Хьюстон. – Андрей Дибров отстегнул ремни и всплыл над креслом, одновременно дотянувшись правой рукой до скошенной приборной панели, закрепленной у «потолка» отсека. Он действовал машинально, руки сами знали, где и что нужно нажать, – сказывался многолетний опыт космоплавания.

В тишине замкнутого помещения отчетливо пискнул сигнал.

Он обежал глазами контрольные датчики и начал привычную процедуру формального доклада:

– У нас все в порядке, бортовые системы в норме. – Андрей переместил взгляд к следующей группе датчиков. – Режим телеметрии данных не нарушен. – Он ухватился за скобу, подплывая к отдельно размещенному терминалу, и взглянул на огромное голубовато-серое полушарие Земли, застывшее в перекрестье координатной сетки систем наведения следящих антенн. – Ориентация в пределе допустимых погрешностей, – завершил он свой короткий рапорт, считав цифровые значения, которые постоянно менялись в узлах пересечения изумрудно-зеленых линий.

– Вас понял, «Янус». Челночные корабли с пассажирами стартуют по расписанию. Вы готовы к приему?

– Да, Хьюстон, у нас все в порядке. – Дибров взглянул на табло бортового хроно. – Через полчаса начало процедур предстартовых проверок.

– Хорошо, «Янус». До связи через тридцать минут.

Ухватившись за специальную скобу, Андрей перевернулся относительно «пола», одновременно коснувшись свободной рукой сенсора на панели интеркома.

– Хьюго, Земля вышла на связь. Желают нам доброго утра.

В ответ раздался сухой щелчок, и затем послышался голос первого пилота:

– Долго спишь, «командный». Основной модуль уже окончил утреннюю пробежку.

– О’кей, – усмехнулся Дибров. – У нас есть тридцать минут до следующего включения. Я в секции «Альфа». Предлагаю легкий завтрак на нейтральной территории.

– Принято.

«Нейтральной территорией» на борту двухмодульного космического корабля «Янус» его экипаж, состоящий из четырех человек, в шутку называл отсеки общего пользования, расположенные между разделяемыми модулями.

* * *

Покидая командную полусферу, в которой царила невесомость, Андрей Дибров на минуту задержался в тесном переходном тамбуре, снабженном небольшим круглым иллюминатором с толстым стеклом.

Отсюда отлично просматривался длинный, скупо освещенный цепочками навигационных огней корпус «Януса». Два спускаемых модуля, похожие при таком ракурсе на огромные, тускло серебрящиеся половинки исполинской раковины моллюска, присосались к нему с

двух сторон, медленно вращаясь вместе с цилиндрической базой, соединяющей двигательную и командную секции.

От этой картины на душе Диброва стало тепло и спокойно. Он знал и любил свой корабль, и «Янус» до сей поры платил ему взаимной симпатией, по крайней мере командиру казалось именно так.

Андрей попал на борт межпланетного транспорта не случайно. Два года назад ему исполнилось тридцать пять лет. Это был предельный возраст для военного флота, но капитан Дибров, уволившись в запас, быстро осознал, что жизнь на «гражданке» ему невыносима. Он не был стеснен материально, но найти занятие по душе после пятнадцати лет, проведенных на военном флоте, ему не удалось, поэтому, промаявшись два года, он сам предложил свои услуги компании космических перевозок ЕСА, которая нуждалась в тот момент в специалистах, имевших опыт полетов на «К-209», тем более что подписанный контракт не входил в противоречие с теми ограничительными обязательствами, которые он принимал на себя при увольнении в запас.

…Люк шлюзовой камеры, зашипев, отъехал в сторону.

Оттолкнувшись от края иллюминатора, Андрей вплыл в транспортную кабину и, продев кисть руки в специальную петлю, вставил подошвы летных ботинок в гнезда, которые тут же отреагировали на касание, намертво примагнитив его обувь к полу.

Чтобы перейти из модуля невесомости на внутреннюю поверхность вращающейся части, где центробежная сила создавала имитацию 0,43g, требовалось всего лишь несколько секунд терпения.

Кабина плавно ускорилась, потом остановилась, меняя пространственное положение, и, когда ее дверь автоматически отъехала в сторону, перед Андреем уже был пол коридора вращающейся части.

До приема первого челночного корабля с пассажирами оставалось еще двадцать четыре минуты.

* * *

– Привет, Хью, – войдя в отсек, Андрей протянул руку и слегка хлопнул по протянутой ладони напарника.

Майкрофт уже накрыл на стол и включил терминал бортовой сети, но пока экран оставался занят вальяжно перемещающимися фигурами так называемого «Хранителя».

– Привет, – ответил он, показав при этом свои ослепительно белые зубы. Через секунду пухлые губы Хью сомкнулись, придав эбеново-черному лицу хитроватое, но добродушное выражение.

– Скажи, Андрей, – внезапно прищурился он, спрятав веселые чертики, мелькнувшие в его зрачках, – у вас, русских, эта страсть к экзотике врожденная или вы ее приобретаете с возрастом?

– Не понял? – насторожился Дибров, зная, что Майкрофт ничего не спрашивает просто так.

– Ты ведь опять спал в невесомости, верно?

Андрей кивнул, садясь за стол и пододвигая к себе поднос с завтраком. Он не видел в этом ничего экзотичного.

– А скажи, висеть вниз головой – это специальная тренировка? – не унимался Хью.

– Не придуривайся. Ты же знаешь, что в невесомости термины «низ» и «верх» теряют свой смысл. Нет никакой разницы, в каком положении спать…

Майкрофт покачал головой, на этот раз вполне серьезно.

– Для меня есть, – со вздохом сознался он. – Только смотри, командир, медикам ни звука, особенно нашей Лори. – Он приложил палец к своим пухлым губам. – Меня начинает тошнить, когда я открываю глаза и вижу под собой опрокинутый вверх ногами пол.

Андрей усмехнулся, принимаясь за еду. Несмотря на очень тесное общение со своим напарником, он все же в некоторые моменты начинал сомневаться, шутит Хьюго или нет…

* * *

– Добрый день, дамы и господа!

Ощутимый толчок, лязг стыковочных захватов, вибрация корпуса и долгое протяжное шипение воздуха совершенно не гармонировали с приветливым голосом, который бодро вещал из скрытых динамиков бортовой сети шаттла.

– Наш челночный корабль сообщением Земля – орбита только что благополучно завершил стыковку с межпланетным грузопассажирским лайнером «Янус», совершающим регулярные рейсы между Землей и Марсом.

За внешней обшивкой челнока раздалось гудение, потом легкий скрежет прокрался вдоль корпуса, словно по нему, любопытствуя, провел когтем неведомый монстр.

Лица пассажиров, успевших за час полета сначала испытать трехкратную перегрузку при старте, а затем вкусить двадцать минут самой настоящей невесомости, были бледны.

В основном отбывающие на Марс образовывали пары. Мужчины были в возрасте, солидно одетые, и их, как правило, сопровождали молодые привлекательные женщины, ровесницы Мари, с ужасом осматривающие предельно скромные и практичные интерьеры доставившего их на орбиту космического челнока, на котором было очень мало места, минимум комфорта и максимум выворачивающих желудок ошеломляющих ощущений. Кто катался на американских горках, тот знаком с малой толикой перегрузок, возникающих на первой стадии полета, когда челнок выкарабкивался из гравитационного колодца планеты, а те, кто прыгал с парашютом, имеют некоторое представление о второй фазе орбитальных маневров, связанных с невесомостью.

Сейчас такая молодая особа с испуганными глазами загнанной газели удивленно и неприязненно смотрела на гофрированный шланг какой-то внутренней системы челнока. Длинная кишка оторвалась от креплений еще во время старта и вот уже минут десять как плавала в невесомости, словно живая, изгибаясь в воздухе причудливой синусоидой.

– Дорогой… – Женщина повернула голову, пытаясь привлечь к себе внимание плотного, крепко сбитого мужчины, одетого в строгий деловой костюм. Мари уже обращала внимание на него, отметив, что квадратный подбородок, ранняя проседь в висках и оценивающий взгляд, которым он из-под полуприкрытых век постоянно обшаривал салон, говорили в пользу того, что это очередной клиент корпорации «Дитрих фон Браун», решивший порвать с делами земными ради обеспеченной старости на Марсе.

Чтобы не скучать, наш начинающий старичок прихватил в качестве новоиспеченной жены любимую куклу, неприязненно подумала Мари и тут же внутренне устыдилась собственной мысли. Какое ей дело до чужих судеб?

– Дорогой! – В голосе женщины теперь просквозили плохо скрытые истеричные нотки. – Неужели нам придется жить вот так полтора месяца?!

Матерый седеющий мужчина, который хранил до этого момента невозмутимое молчание, повернул голову.

– Успокойся, – произнес он. – Это просто хреновое орбитальное такси. На «Янусе» все будет в порядке. Нас усыпят, а проснемся мы уже на подлете к Марсу…

Его пояснения были прерваны голосом вновь включившейся бортовой киберсистемы:

– Дамы и господа, процесс шлюзования окончен, всех пассажиров просим покинуть свои места и, соблюдая очередность, пройти в переходной тамбур. Далее вам следует действовать согласно инструкциям, которые передаст мой коллега с «Януса». Приятного вам полета.

* * *

За внутренним люком переходной камеры не было ни души, но, к облегчению некоторых особо впечатлительных пассажиров, тут присутствовала искусственная сила тяжести, коридор был чистым, а все коммуникации прятались за пластиковой облицовкой стен.

В конце коридора зашипел, открываясь, внутренний люк второго состыковавшегося с «Янусом» челнока, и в коридоре тут же стало тесно. Основную массу вновь прибывших также составляли дезориентированные бледные люди, впервые покинувшие урбанизированную колыбель человечества, но Мари, которой уже приходилось совершать межпланетные перелеты, не смотрела на них. Выбравшись из толкучки, она быстро прошла по короткому коридору и оказалась в центральном холле, расположенном во вращающейся части «Януса». Это было одно из немногих помещений межпланетного корабля, отданное на откуп такому понятию, как «комфорт».

Все стены данного отсека представляли собой сплошной экран, набранный из десятков плотно пригнанных друг к другу мониторов. Изображение не было круговым, оно оказалось разбито на квадраты, по количеству внешних видеодатчиков, расположенных на обшивке «Януса».

Мари села в кресло. Она знала, что экипаж корабля немногочислен и все его члены сейчас заняты работой по плану предстартовых процедур, но вскоре кто-то из астронавтов должен подойти сюда, чтобы проинструктировать прибывших пассажиров и проводить их в отсеки сна.

Оставалось ждать, разглядывая панорамы окрестного космоса.

Внутреннее состояние Мари по-прежнему оставалось сложным. Нет ничего хуже ситуации, когда лучик надежды внезапно сверкнет средь непроглядной тьмы, осветив какую-то призрачную возможность возврата к прошлому, и тут же погаснет, оставив тебя в полнейшей горькой растерянности…

Сколько она ни размышляла над внезапным звонком и единственным словом, которое оставил абонент на автоответчике третьей виртуальной линии, прийти к какому-то определенному выводу, обрести уверенность в своих действиях и мыслях ей не удалось.

Прилетай.

Это лаконичное послание, вопреки логике и здравому смыслу, будило в ней и отчаяние, и надежду.

Никаких подробных инструкций не прилагалось, но именно так поступил бы отец в ситуации, когда у него не оставалось времени на пояснения.

Прилетай.

Это, определенно, написано в его духе.

Дело в том, что Мари, посещая Марс в прошлом, была еще совсем маленькой девочкой, но отец, занятый своими делами на производстве, вынужден был надолго оставлять ее одну, позволяя Мари гулять, ходить по немногочисленным магазинам строящегося города и осматривать скудные достопримечательности только зарождающейся марсианской культуры.

На тот случай, если они разминутся или Мари, не дай бог, заблудится среди длинной вереницы строек, у них было заранее оговорено место встречи, куда следовало подходить каждый час.

Если бы отец торопился, мысленно рассуждала Мари, *или не имел возможности писать подробно и обстоятельно, то он наверняка поступил бы именно так, полностью положившись на мою сообразительность*.

О том, что он мертв, Мари думала, но…

Странности человеческой психики не поддаются исчислению и описанию.

После того страшного вечера, окончившегося странным, необъяснимым сном и столь же загадочным звонком по выделенной линии, она не хотела мириться с его смертью, хоть и видела собственными глазами мертвое тело отца. Тело, которое сегодня должны были со всеми почестями предать земле, а она не будет присутствовать на этой церемонии, не отдаст последнего долга любимому человеку, потому что нет для нее ничего более невыносимого, чем мысль о его смерти…

Она зацепилась разумом и сердцем за этот сумасшедший звонок.

Да, придя на условленное место, она станет ждать днями, может, неделями, совершенно одна на чуждой ей планете, и, возможно, ее безумная надежда умрет, но, останься она на Земле, разве это не обернулось бы верной мукой, рассчитанной на много-много лет, – жить и спрашивать себя: а что было бы, если б я откликнулась?

Ее душа, не смея мысленно обсуждать вопрос о правомочности нынешних действий, внезапно застыла в шатком ледяном равновесии.

Мари ощущала себя канатоходцем.

Легкий толчок в ту или иную сторону неизбежно вел к роковому падению в бездну, и она, предвидя это, внутренне сжалась в комок, стараясь вести и ощущать себя как заводная механическая кукла.

Слава богу, скоро в сон, подумала она, потому что понимала: ее полет на Марс с точки зрения здравого смысла – это жестокое сумасбродное безумство.

* * *

Шли томительные минуты ожидания, а в салоне, где собрались прибывшие на челночных кораблях пассажиры, еще не появился никто из экипажа.

Некоторое время Мари сидела, уставившись в пол, потом принялась разглядывать окружающих. Большинство лиц были похожи друг на друга из-за бледности, но несколько человек отличались от общей массы прибывших.

Ее внимание привлек мужчина средних лет, черты лица которого наводили на неприятные ассоциации с какой-то хищной птицей.

Одет он был неброско, так, что взгляд оскальзывался на фигуре незнакомца, не находя в его гардеробе ни одной детали, за которую можно было бы зацепиться. Если бы не его орлиный профиль да мутноватый блеск глаз, то подобная фигура наверняка сливалась бы с любым скоплением народа, превращаясь в безликую тень.

Спустя пару секунд Мари поймала себя на том, что беззастенчиво рассматривает его, испытывая при этом странное чувство необъяснимого, идущего из глубин подсознания страха.

Ей редко приходилось кого-то бояться, жизнь в этом смысле была милостива к ней, и сейчас внезапно возникшее чувство, оказавшееся острым, щемящим, чуть ли не паническим, заставило ее вздрогнуть.

Она с трудом отвела взгляд от испугавшего ее профиля и стала смотреть на обзорные экраны, досадуя на себя за излишнюю эмоциональность.

Постепенно ее мысли успокоились, переключившись на другое. Чтобы как-то занять себя и не возвращаться при этом взглядом к напугавшему ее незнакомцу, она рассматривала изображения, предлагаемые огромными стереоскопическими мониторами, и ее мысли понемногу потекли в ином направлении. Мари задумалась о дне сегодняшнем и о тех несбыточных надеждах, которые умирали одна за другой на протяжении последних двух веков развития человечества.

На эти мысли ее натолкнула одна из сотен огромных конструкций, величественно плывущих по орбитам вокруг Земли.

Эта станция была по своей форме похожа на колониальный транспорт «Европа» – первый космический корабль, воплотивший в своих конструкциях межзвездные технологии, но так и не стартовавший за пределы Солнечной системы.

Отец показывал ей «Европу» в телескоп, когда они подлетали к Марсу. Неудавшийся колониальный транспорт дрейфовал в точке своего затянувшегося на долгие годы старта, за поясом астероидов, так и не дождавшись первых пассажиров.

Френк Лаймер называл законсервированный колониальный транспорт памятником несбывшихся надежд человечества.

Действительно, думала она, глядя на схожий с «Европой», но гораздо меньший по размерам октаэдр орбитальной станции «Каллисто», – *мы все любим мечтать, приукрашивая грубую реальность надеждой на будущее.*

Ярким примером такой надежды могли бы стать люди, платившие в конце двадцатого – начале двадцать первого века солидные деньги за то, чтобы быть замороженными в жидком азоте. Эти *мечтатели* надеялись, что наука вскоре достигнет таких вершин, когда их запросто смогут вывести из подобного состояния, излечить все старческие недуги или, более того, подарить новые тела, трансплантировав в них сохранившийся в жидком азоте мозг.

Прекрасная надежда…

Более мягкой формой той самой веры в неограниченные возможности науки было стремление большинства фантастов расселить людей по всей Галактике, пользуясь туманными принципами «аномалий космоса». Приятно верить, что придет день, и кто-то гениальный вдруг отменит теорию относительности, мы прыгнем за барьер скорости света, и…

Увы, этот барьер непреодолим. Жестокое разочарование после стольких лет надежды…

Отец однажды объяснил Мари, почему столь долго откладываемый старт «Европы» так и не состоялся, с досадой оговорившись при этом, что освоение космоса должно быть делом общечеловеческим, а отдавать его на откуп финансовым группам, таким, например, как «Дитрих фон Браун» – корпорация, преследующая свои узкие материальные интересы, – значит, обречь саму идею великой экспансии людей в Галактику на прозябание и моральную смерть.

Злые языки утверждали, что старту «Европы» помешал провал всех испытаний, связанных с крионическими исследованиями. Идея о том, что процессы метаболизма в человеческом организме можно замедлять в десятки тысяч раз, делая сон похожим на временную смерть, действительно продемонстрировала свою полную несостоятельность, но скончался проект по иной, более прозаической причине – оказалось, что на перенаселенной Земле не так много энтузиастов, согласных прожить свою жизнь в тесных отсеках космического корабля ради того, чтобы их правнуки достигли звезд. Крионика, на которую возлагалось так много утопических надежд, не смогла предоставить в распоряжение проектировщиков «Европы» функциональной модели криогенной камеры, а когда идея сверхглубокого сна рухнула, выяснилось, что дураков намного меньше, чем то пыталась преподнести реклама. Большинство людей хотели жить именно здесь и сейчас, а комплектовать экипаж «Европы» из согласных на все деградировавших элементов городских трущоб, естественно, не было смысла…

– Доброе утро, дамы и господа, – нарушил течение ее мыслей незнакомый голос.

Мари подняла голову.

На пороге отсека стояли мужчина и женщина.

– Я командир космического корабля «Янус», Андрей Николаевич Дибров. Это, – он обернулся к своей спутнице, – наш навигатор и специалист по системам сна Джоана Лори. Механизмы шаттлов уже закончили разгрузку вашего багажа, так что, – он сделал приглашающий жест в сторону открывшегося межсекционного люка, – прошу следовать за мной в отсек для пассажиров.

Еще один коридор привел нестройную толпу людей, которые еще не освоились с низкой гравитацией, в длинное узкое помещение, сразу же напомнившее Мари морг.

Неприятный холодок пробежал по ее спине. Она уже дважды совершала подобные путешествия и была знакома с системами сна, но потрясения последних дней наложили неизгладимый отпечаток на ее сознание.

– Господа, прошу каждого найти камеру со своим именем на информационном табло и встать напротив. – Дибров отдавал распоряжения со спокойной вежливостью, без лишних эмоций и ненужных пояснений, которые большинство пассажиров попросту бы не поняли.

Когда толкотня в проходе прекратилась, Мари, оглядевшись, поняла, что ее ячейка – крайняя в ряду. Дальше особняком были расположены еще четыре камеры сна, на табло которых светилась одна и та же надпись: «Для экипажа».

– Господа, наш полет к Марсу продлится тридцать семь стандартных земных суток, – произнес Дибров, медленно продвигаясь по проходу. – Маневрирование в космосе, ускорение и торможение – процессы долгие и утомительные. Все маневры сопровождаются неприятными для нетренированного человека перегрузками либо полным исчезновением силы тяжести. – Он развернулся в конце прохода, скользнув взглядом по Мари, и пошел обратно, продолжая свои пояснения: – Как вы успели заметить, современный космический корабль хоть и обладает внушительными размерами, но по своему комфорту очень далек от тех авиалайнеров, которые осуществляют транспортные перевозки в пределах земной атмосферы. Большая часть места на борту отдана различному оборудованию, силовым установкам, системам жизнеобеспечения, навигации и так далее, оставляя людям очень малое пространство, поэтому вы все будете спать в ячейках-капсулах.

– Извините, а это опасно? – задала вопрос та самая женщина, на которую Мари обратила внимание еще в челноке.

– Нет, это не опасно, – спокойно ответил Дибров. – Процедура проверенная, и, чтобы рассеять ваши сомнения, могу сообщить, что сон на борту «Януса» не имеет ничего общего с дурно зарекомендовавшими себя процессами замораживания. Можете не беспокоиться – это обычный сон, поддерживаемый специальными препаратами. Вы просто избавитесь от неприятных ощущений, от скуки полета и тесноты отсеков. Путешествие покажется вам быстрым и приятным. Часть экипажа будет спать тут же, потому что мы несем вахту посменно.

– А нас будут кормить?

– Обязательно. Процесс питания осуществляется внутривенно. Вы ведь проходили на Земле медицинскую комиссию? – Он остановился напротив задавшей вопрос женщины.

– Да, конечно… – нервничая все больше и больше, ответила она.

– Обратите внимание на мониторы контроля. На каждом обозначены имя и фамилия пассажира. Данные медицинского освидетельствования каждого из вас введены в бортовой компьютер, и автоматика будет поддерживать оптимальный режим жизнеобеспечения, сообразуясь с рекомендациями обследовавших вас на Земле врачей. Уверяю, беспокоиться не о чем, ваш сон будет глубоким, здоровым и приятным.

После его слов в отсеке наступила гулкая тишина, в которой отчетливо был слышен звук работы каких-то расположенных за переборками агрегатов.

– Если вопросов больше нет, то могу лишь пожелать всем приятного полета и хороших сновидений, – произнес Дибров, выдержав паузу. – Сейчас с потолка опустятся пластиковые перегородки, чтобы вы могли раздеться, не стесняясь присутствия друг друга, и наш специалист займется каждым из вас индивидуально.

Едва он закончил говорить, как с потолка отсека с тонким визгом начали опускаться матовые ширмы, а прозрачные колпаки горизонтальных камер, расположенных по обе стороны от центрального прохода, медленно поднялись вверх, открывая пластиковые ложа, имеющие выемки, соответствующие форме человеческого тела.

Полет к Марсу начался.
Скорее бы, – подумала Мари.
Ей хотелось погрузиться в пучину сна и не думать ни о чем.

Часть вторая
Грань реальности

Глава 4

Борт космического корабля «Янус»
Спустя сутки после старта с околоземной орбиты…

Час назад «Янус» закончил маневр ориентации и сейчас набирал маршевое ускорение.

Земля уже превратилась в горошину и вскоре должна была стать всего лишь одной из миллиардов звездочек на экранах внешнего обзора.

В период околопланетных маневров основная нагрузка падает на командира корабля и первого пилота, поэтому, после того как корабль ляжет на рассчитанный курс и начнется фаза полуавтоматического полета, они первыми получают право на сон.

Дибров и Майкрофт шли по коридору вращающейся части «Януса».

– Неплохо сработали, – произнес Хью, продолжая начатый незадолго до этого разговор.

Андрей кивнул в ответ – маневр ориентации действительно прошел без осложнений, и теперь корабль разгонялся, следуя траектории сближения с Марсом.

Последующие две недели они с Майкрофтом будут спать. Когда корабль достигнет определенной точки пространства, бодрствующие члены экипажа – Джоана Лори и Валентин Суханов, оставшиеся нести вахту, – разбудят их, а сами уйдут в сон, но всего лишь на неделю.

Они с Хьюго за это время должны будут изменить пространственную ориентацию «Януса», развернув корабль кормой к планете назначения, и подготовить все системы к началу маневра постепенного торможения. Совершив эти ответственные операции, Майкрофт с Дибровым опять на две недели погрузятся в сон, чтобы проснуться уже в непосредственной близости от Марса. Маневры окончательного торможения и выхода на околопланетную орбиту снова потребуют всей отдачи сил от командира и пилота, именно поэтому полетный график смен был составлен таким образом.

…Тихо зашипев пневматикой, отворился герметичный межсекционный люк, и Дибров с Майкрофтом вошли в отсек гибернации.

Андрей по привычке огляделся. Камеры, в которых находились пассажиры «Януса», образовывали две цепочки, располагаясь по обе стороны прохода. Изнутри ячеек пробивался мягкий голубоватый свет, сигналы на индикационных панелях сплетали знакомый глазу успокаивающий узор, свидетельствующий о штатной работе систем жизнеобеспечения.

Он прошел к зарезервированным для членов экипажа ячейкам и коснулся сенсора активации на крайней из них. Прозрачный пластиковый колпак начал с ноющим визгом подниматься, открывая ложе, покрытое упругим пористым материалом.

Майкрофт уже раздевался, подпрыгивая на одной ноге подле своей ячейки. Рост и могучее телосложение Хьюго создавали ему множество мелких неудобств в тесноте корабельных отсеков, превращая обычное раздевание в комичный акробатический номер.

Дибров начал расстегивать ворот полетной униформы. Его усталый, рассеянный взгляд упал на консоль автоматической системы поддержания жизни крайней к нему камеры сна, и он вдруг заметил, что среди обычного узора зеленых огней прячется несколько желтых индикационных сигналов.

В принципе, ничего страшного, но не в привычке командира было оставлять без внимания любое замеченное отклонение в работе бортовых систем. Вернувшись на несколько шагов назад по центральному проходу, он посмотрел на показания датчиков.

Желтые сигналы предупреждали о повышенной эмоциональной активности спящей в ячейке молодой девушки. Ее тело казалось расслабленным, но мозг, очевидно, был возбужден и реагировал на введенные в кровь препараты не так глубоко, как предписывалось, – об этом явно свидетельствовали постоянные колебания электромагнитного поля, которое, как известно, генерирует нервные клетки коры головного мозга в результате протекающих в них процессов биоэлектрической активности.

Вероятно, ей снились кошмары.

Дибров посмотрел на ее осунувшееся лицо, покачал головой и несколькими переключениями перенастроил систему на более глубокий сон.

Спустя пару минут желтые искры индикаторов погасли, сменившись на зеленый узор сигналов.

Майкрофт уже разделся и теперь устраивался на своем ложе.

– Спокойных снов, Хью, – пожелал ему Дибров.

– Тебе также, командир, – ответил пилот.

Колпак его камеры начал медленно опускаться.

* * *

Засыпая, Андрей не ощущал ни страха, ни дискомфорта, ни тем более какого-то предчувствия. Сутки постоянного маневрирования изрядно утомили его, а дисциплинированная психика не допускала досужих мыслей перед отходом ко сну.

Тихо чавкнул пневмоуплотнитель камеры, вспыхнул рассеянный голубой свет, Дибров закрыл глаза, ощущая легкое покалывание в тех местах, где под кожу впились иглы микроинъекторов.

Он не видел, что в этот момент на терминале соседней с ним камеры вновь вспыхнули желтые огни. Увеличенная им доза препарата оказалась недостаточной для того, чтобы девушка уснула глубоко и спокойно. Реакция ее мозга была прямо противоположной – напряженность колебаний электромагнитного поля, которое излучали возбужденные участки серого вещества, еще более усилилась.

Через некоторое время незримая аура, для которой не существовало материальных преград, увеличилась в диаметре пропорционально возрастающему напряжению.

Дибров уже находился под воздействием вводимых в кровь препаратов и не мог видеть, как на консоли управления его камерой также вспыхнули сигналы желтого цвета.

Поле, излучаемое мозгом Мари, вошло в резонанс с его собственными электромагнитными эманациями, усиливая их.

* * *

…Закат был долгим и стылым.

Ослепительный шар солнца медленно стекал за иззубренную линию скал. Там, где его лучи встречали препятствие, на дно кратера ложились длинные угольно-черные тени с четкими, будто отрезанными ножом краями.

Небо над головой казалось темно-фиолетовым и бездонным. Ни единого облака, ни перистой полосы – ничего, лишь мириады ярких, колючих, почти немигающих звезд да растущий серп огромного бело-голубого диска, чей отраженный свет в этот час уже начинал соперничать с лучами закатного солнца.

Наступало время Горячих Камней.

Андрею страстно захотелось проснуться, но сон, усиленный вводимыми в кровь препаратами, был слишком глубок, и волевого усилия явно не хватало, чтобы осознанно вырваться из него…

Кайл… Его звали Кайл…

Андрей еще успел мысленно удивиться тому факту, что ощущает себя вполне комфортно в чужом теле…

Постепенно мысли Андрея Диброва истончились, а потом и вовсе погасли.

Его сознанием полностью завладел этот странный, кошмарный мир.

…Кайл не впервые покидал город и потому смотрел на картины окружающего мира со здоровым равнодушием. Тащить телегу было не тяжело, но нудно и, чтобы не сбиться с шага, приходилось сосредоточивать взгляд на какой-то конкретной точке рельефа.

На этот раз он выбрал огромный островерхий валун, видневшийся над гребнем кратерного склона. Ярко освещенный закатными лучами солнца, он был виден издалека и сиял, как маленький маяк.

На самом деле рельеф Нового Селена обманчив. Не все видится таким, каким является на самом деле. Кайл поначалу путался, но потом привык и теперь уже не удивлялся, когда обнаруживал, что ориентир, на который смотришь по нескольку часов кряду, на поверку оказывается не отколотой глыбой породы, а вершиной следующей горы, отдаленной на десятки километров от гребня кольцевой возвышенности.

Обоз только что покинул шлюзовые ворота города и теперь медленно тянулся по старой дороге, покрытие которой, занесенное пылью, мелкими камнями и оплавленными шлаковыми фрагментами вулканических извержений, уже едва угадывалось в быстро сгущающейся тьме.

Кайл поправил веревку, к которой была привязана невнятно громыхающая сзади телега. Он не испытывал особых неудобств от тех физических усилий, какие приходилось прилагать, чтобы тащить свою ношу. Мудрые учителя, которые пытались в свое время вбить в голову юноши немного знаний об окружающей его жизни и природе существующих явлений, рассказывали о каком-то ином мире, где жили их предки, и о генетическом наследии этого мира, но Кайл вынес из сложных объяснений лишь один доступный его пониманию факт: мышцы его тела, оказывается, сформированы для иных условий тяготения и потому необычайно сильны…

Пока он размышлял таким бесхитростным образом, глубокие черные тени постепенно затопили все дно кратера. Со стороны могло показаться, что языки тьмы осязаемы: они ползут, сливаясь друг с другом, поглощая детали рельефа и грозя затопить своей чернью все окружающее пространство.

Солнце вот уже несколько минут как закатилось за линию скал, однако абсолютного, непроглядного мрака на дне кратера не наступило.

Чем темнее становилось вокруг, тем ярче сиял в небесах бело-голубой серп Владыки Ночи. Его отраженный свет соперничал с тьмой, вытачивая из нее смутные очертания каменных глыб, контуры утесов и пологие ступени застывших лавовых лестниц.

Огни оставленного позади города светились еще ярче.

Если остановиться и оглянуться, то можно различить, что город врезан в толщу скалы. Его фронтальная часть походила на узкую щель, разделенную на ярко освещенные овальные сегменты, которые бесконечной чередой протянулись по обе стороны от входа в шлюз. Главные шлюзовые ворота города были обозначены цепочкой голубых огней, да еще несколько искр сияло на мрачных утесах, которые образовывали свод поселения, предохраняя его от превратностей протекающих на Селене процессов.

Стоило взглянуть себе под ноги на обезображенную, покрытую шлаком и реголитным гравием поверхность, усеянную мелкими кратерами, как становилось понятно, что каменный козырек, нависающий над городом, не дань каким-то страхам или суевериям, а вполне реальная необходимость.

В подтверждение этих мыслей бездонные почерневшие небеса Нового Селена внезапно прорезал ослепительный огненный росчерк.

Закат солнца только что завершился – огненная макушка ослепительного диска несколько минут назад окончательно скрылась за пиками окаймляющей кратер возвышенности, а разреженный воздух уже стыл жутким холодом ночи, и очередной цикл природных коллизий вступал в свои права, медленно, но неумолимо меняя облик каменной пустыни.

На дне кратера властвовала ночь, но за его пределами солнечные лучи еще освещали поверхность. Обратная сторона скал держала тепло, а тут, в закольцованной ими котловине, температура резко начала падать, и поэтому первые порывы послезакатного ветра, зародившись легким дуновением, быстро окрепли и рванулись вдоль склонов скалистого вала, подметая редкие каменистые плато и закручиваясь в ущельях скоротечными, бешеными смерчами.

Внезапно в картину нарождающейся ночной бури ворвалось нечто иное, не менее страшное и стремительное, чем шквальный ветер, но гораздо более разрушительное. Разреженный воздух, помутневший, наполненный поднятыми ветром клубами мелкой бурой пыли, раскололся басовитым, надсадным воем, и в ночные краски Нового Селена вновь вплелась ярчайшая вспышка, прочертившая фиолетово-черные небеса длинным огненным следом. Окрестные скалы потряс титанический удар, сопровождаемый дождем раскаленных осколков. Острая вершина одного из пиков вдруг, прямо на глазах остановившихся людей, надломилась и рухнула в пропасть, сотрясая окрестности многократным эхом обвалов.

Но это было лишь началом, короткой прелюдией перед захлестнувшим кратер огненным дождем. Падучие звезды вдруг обрушились потоком, наполняя разреженную атмосферу заунывным воем, озаряя окрестности сполохами взрывов и оставляя в скалах дымящиеся конические воронки…

Для Кайла, имевшего очень слабые познания в астрономии, это был обычный, ничем не примечательный послезакатный катаклизм, похожий на сотни других, которые из века в век переживал этот участок кратера, постепенно разрушаясь и меняя свой облик под напором бездушных стихий.

Для него наступило *Время Горячих Камней* – опасные, полные непредсказуемых коллизий первые ночные сутки.

Солнце зашло и появится над горизонтом только через четырнадцать стандартных городских дней. Ночь будет властвовать над Новым Селеном, покрывая скалы инеем, и там, где некоторое время назад путнику угрожала всеистребляющая жара, от которой разогревались и лопались камни, теперь грозила такая же верная смерть от лютого холода.

Новый Селен являлся миром резких контрастов, и жизнь, некогда процветавшая тут, век за веком покидала его, уступая место температурным аномалиям и зловещим пейзажам лавовых пустынь.

* * *

Во главе посланного на сбор реголита обоза шли трое воинов. Когда почерневшие небеса прорезались первыми огненными росчерками падучих звезд, старший из воинов остановился, властно подняв руку.

Кричать на поверхности Нового Селена бесполезно: во-первых, лицо скрыто прозрачным забралом защитной дыхательной маски, а во-вторых, воздух вокруг столь разрежен, что все звуки кажутся ватными, приглушенными, долетающими издалека, поэтому у воинов, путешественников и торговцев в ходу немой язык жестов.

Рука, поднятая вверх, остановила обоз, затем, когда раскаленные, падающие с небес каменные глыбы высекли из безжизненного дна кратера первые фонтаны мгновенно плавя-

щейся от столкновения породы, воин быстро сориентировался и указал на небольшой прямоугольный выступ скалы, расположенный метрах в трехстах от запорошенной пылью дороги.

Участники ночного похода, сломав строй, бегом кинулись в указанном направлении, слепо доверяя своему предводителю.

Вообще-то понятие «бег» было здесь не совсем уместно. Это слово пришло из старого языка, где оно обозначало несколько иной вид передвижения.

Побросав веревки и телеги, два десятка человек устремились к выступу, совершая длинные прыжки, каждый из которых покрывал пять-семь метров пространства. Воины, которых было человек десять, действовали более спокойно: отталкиваясь от каменистого дна кратера, они скользили над самой поверхностью особым, боевым шагом, покрывая при этом не более двух-трех метров за один скользящий прыжок. Такой способ передвижения не так быстр, но имеет свои неоспоримые преимущества. Человек, использующий боевой шаг, почти не теряет контакт с поверхностью, как, например, запаниковавший простолюдин, бросивший свою телегу и взмывающий вверх в неизбывном страхе перед разбушевавшейся стихией.

За те несколько минут, пока воины и рабочие бежали к указанному укрытию, огненный шквал не стал слабее. Ослепительные фонтаны локальных извержений били по всей площади кратера, освещая сумеречную каменистую равнину, пятная ее вишневыми язвами новорожденных углублений, от которых по ветру тянулся желтовато-сизый удушливый дымок.

Воины, замыкавшие бегство, не сломали строй и подошли к укрытию, когда остальные уже забились внутрь унылой рукотворной пещеры, в которой кто-то прорезал глазницы входов и оконных проемов.

Старый воин, возглавлявший обоз, на секунду задержался, окинув взглядом пещеру, и усмехнулся в ответ своим мыслям.

Странными существами были наши предки, подумал он, делая шаг в спасительную черноту. *Интересно, они и вправду жили тут, или все эти ученые просто лгут, чтобы оправдать вдыхаемый ими попусту воздух?*

Точного ответа на свой вопрос воин не знал, да и не очень ломал голову над ним. Его жизненный интерес простирался в другом, более практичном и жестоком направлении, чем история темных веков.

* * *

Вбежав внутрь покинутого тысячелетия тому назад здания, Кайл сделал еще несколько коротких, семенящих шагов, чтобы погасить инерцию, и остановился в кромешной тьме.

Было жутковато.

Твердый пол под ногами ощутимо колебался, передавая удары падучих звезд, вязкая тьма, в которой слышалось приглушенное масками тяжелое дыхание людей, облепила его со всех сторон.

Наконец кто-то из воинов догадался вытащить флюоресцирующий шар светильника, в котором ютились светящиеся существа размером с булавочную головку. Их были тысячи, и живая масса внутри шара находилась в постоянном хаотичном движении.

Воин открыл специальную крышечку и бросил в шар щепоть сухого корма. Рой светящихся существ взвихрился, принимая подачку, и вокруг разлилось зеленоватое сияние, осветившее даже дальние углы длинной прямоугольной комнаты, пол которой был покрыт толстым слоем реголитной пыли.

Кайл с любопытством огляделся.

Когда-то, вне сомнений, это было богатое жилище, о чем свидетельствовали остатки красивой облицовки, сохранившиеся на одной из стен. Сводчатый потолок помещения оканчи-

вался круговым проемом, через него виднелось черное небо и одинокая звезда, то и дело затмеваемая фрагментами пылевых облаков, которые гнал рассвирепевший ветер.

Отверстие предназначалось для солнечного камня – прозрачного кристалла кварца, призванного собирать в пучок лучи дневного светила. В каменный свод Селеноградa тоже было вправлено несколько солнечных камней, настолько больших, что подходить к ним днем было опасно, и столбы сфокусированной кристаллами солнечной энергии за несколько сот метров ограждали специальными заслонками-ширмами.

Этот, судя по всему, был невелик и обслуживал только одно здание. В полу, как раз под отверстием, сохранилось устье вертикального колодца, по которому собранный солнечный свет должен был попадать в подвал, где им питались машины, дающие тепло и приводящие в движение различные механизмы.

Все это Кайл знал лишь понаслышке. Жизнь в городе была трудна и не располагала к углубленному познанию всех сторон бытия. Про солнечные камни и уходящие под землю столбы сфокусированного ими света знал любой, кто имел глаза и хоть чуточку здорового любопытства, а вот что происходило с собранным светом впоследствии и как при его помощи можно было из мертвого, собранного на поверхности камня получить воду и кислород, ведали лишь единицы из многотысячного населения города.

Быть инженером означало прежде всего приблизиться к неким тайнам, которые вели прямо на вершину городской власти, и эти должности, а также связанные с ними древние знания сохранялись в строжайшей тайне и передавались, как правило, по наследству.

Пока Кайл озирался по сторонам, старший воин, которого звали Роган, жестом отозвал в сторону двух своих наиболее испытанных соратников. Подойдя к оконному проему, через выбитую глазницу которого ясно просматривалось освещаемое магматическими фонтанами дно кратера, он склонил голову, и двое его подчиненных повторили этот жест командира. Соприкоснувшись лицевыми масками, они получили возможность говорить друг с другом.

– Что ты думаешь по поводу бури, Дарнинг? – спросил старший, глазами указав на зловещую панораму окрестностей.

– Сейчас идти дальше нельзя, но, по приметам, огненный дождь не будет долгим. Вспышки идут на убыль.

Взгляд Рогана остановился на втором воине.

– Что думаешь ты, Варлай?

– За одним огненным дождем может сразу же прийти второй, куда более сильный. Небеса обманчивы. Этот дождь скоро закончится, тут я согласен с Дарнингом, но следует выждать какое-то время, прежде чем выводить обоз из укрытия.

– А Измененные и Сервы? – Командир продолжал испытующе смотреть то на одного воина, то на второго.

– Что Сервы, что Измененные состоят из материи, – резонно напомнил ему Варлай. – Они не бесплотные духи, а удар раскаленного камня одинаково смертелен для всех видов поднебесных тварей. Вряд ли они станут шататься и выискивать жертвы в такую погоду.

Роган едва заметно кивнул.

– Согласен, – наконец произнес он. – Именно поэтому мы не станем сидеть тут и дожидаться, пока Владыка Ночи прекратит свои забавы. Выводите людей наружу, пусть впрягаются в телеги. Если кто будет упираться, подбодрите хорошим пинком. Все. За дело. Нашему городу нужно дышать, и мы раздобудем воздушный камень во что бы то ни стало.

* * *

На выходе из древнего здания возникла заминка. Один из городских жителей, впервые отряженный на ночной сбор реголита и напуганный сейчас более остальных, вдруг уперся,

не желая покидать убежище. На фоне освещенного вспышками прямоугольного проема было отчетливо видно, как несчастный вцепился обеими руками в его края и дико завопил от неизбывного ужаса перед бушующей снаружи стихией, но сопровождавшие обоз воины были неумолимы. Получив недвусмысленный приказ командира, они действовали жестоко, быстро и эффективно. Оторвав руки упирающегося горожанина от опоры, они попросту вышвырнули его наружу.

Человек в сером мешковатом защитном балахоне упал, но тут же вскочил. Искаженные черты его лица скрывала прозрачная маска, на которую ложился сложный, змеящийся узор ярких бликов от близких извержений, но по судорожным поворотам головы нетрудно было догадаться, что несчастный озирается по сторонам в диком ужасе.

Кайл вышел из здания сам, без принуждения. Он не был опытным путешественником и тоже испытывал безотчетный страх перед силами ночного неба. В некоторые моменты, когда какой-нибудь раскаленный болид пронзал разреженную атмосферу совсем рядом, так что становился слышен тонкий свист и зловещее шипение, юноша непроизвольно втягивал голову в плечи, а его сердце болезненно замирало, сжимаясь в трепещущий комочек…

Удар, рывок почвы под ногами, ослепительный фонтан магмы, вскипающий в месте соприкосновения небесного камня с пустынным дном кратера, капельки холодного пота, щекотливо сбегающие между лопаток, – все это сливалось в единое ощущение жуткой, красочной безысходности…

Высокий воин, оказавшийся позади, схватил замешкавшегося Кайла за плечи и подтолкнул вперед, недвусмысленным жестом указав на брошенные веревки, распластавшиеся по пыльной дороге у ближайшей телеги.

«Впрягайся», – говорил его жест.

Через несколько минут обоз кое-как собрался в упорядоченную группу и двинулся в прежнем направлении – к сумеречному горному валу, замыкающему в кольцо пространство кратера…

* * *

Ровно сутки потребовались небольшому отряду, чтобы преодолеть образующую стены кратера кольцевую возвышенность. После сумбурной перестановки во время огненного дождя, когда каждый хватал первую попавшуюся под руки веревку, напарником Кайла оказался тот самый горожанин, которого воинам пришлось силой выталкивать из укрытия.

Первое время, пока с небес продолжали низвергаться раскаленные камни, они, пыхтя, тянули свою ношу, непроизвольно втягивая головы в плечи при каждом близком разрыве, но потом, когда огненный дождь пошел на убыль и всем стало понятно, что главная опасность уже позади, люди несколько приободрились…

Через час, когда они преодолели засыпанный пеплом участок карабкающейся вверх по склону старой дороги, Роган объявил короткий, пятиминутный привал.

Напарник Кайла тяжело осел на покрытую бесплодным щебнем поверхность и застыл, обхватив руками плечи. Глядя, как он сидит, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, Кайл понял, что тот все еще находится во власти пережитого ужаса. Подсев поближе, юноша соприкоснулся своей маской с его прозрачным забралом и увидел, что под серым защитным балахоном скрывается бледный как мел, пухлощекий, уже облысевший мужчина лет сорока от роду.

Его посиневшие губы мелко тряслись, глаза казались выцветшими и мутными.

– Как тебя зовут? – спросил Кайл, высвободив изо рта мундштук дыхательного аппарата и позволяя воздушной смеси наполнить пространство под островерхим капюшоном.

– С-сорг, – судорожно сглотнув, выдавил тот.

Кайлу было противно смотреть на его мелко трясущиеся губы, но он поборол брезгливость, понимая, что сам затеял этот разговор.

– Ты что, ни разу не был снаружи? – Взгляд юноши остановился на лысине Сорга, по бокам которой у висков топорщились пучки тронутых проседью волос.

– Нет… – выдавил тот. – Никогда.

В принципе, такое было возможно, население города насчитывало несколько десятков тысяч человек, и наружу в обычные времена ходили скорее добровольно, чем принудительно, но в последние месяцы начало твориться что-то неладное. Караваны из других кратеров приходили все реже, чаще теряясь в пути, чем достигая конечной цели, и город начал ощущать острую нехватку минералов с поверхности, которые власти обычно импортировали, продавая взамен продовольствие из огромных оранжерей. Ночная вылазка за реголитом являлась мерой вынужденной, необычной, и городская стража, судя по всему, хватала кого ни попадя, лишь бы набрать нужное количество работяг для десяти отправляющихся в разные стороны обозов.

– Я всю жизнь торговал едой на улице Старых Законов, – признался Сорг. – Они схватили меня, когда я возвращался домой. Это несправедливо. Я ведь исправно плачу налоги, почему меня хватают и засовывают в этот балахон?!.

Кайл не ответил ему. Во-первых, юноша не знал тех сложностей, которые подвигнули городское руководство на быстрые и непопулярные меры, а во-вторых, он недолюбливал людей, постоянно сетующих на жизнь.

– Холодно… – стуча зубами, пожаловался Сорг и тут же добавил: – Вот погоди, вернемся назад, мой отец устроит трепку этим стражникам. Он смотритель воздуховода нашей улицы и может обойтись с ними подобающим образом.

Кайл молча отодвинулся.

Действительно было холодно, а разговаривать дальше не хотелось. Он отвернулся и обратил взгляд на панораму окрестностей.

В черных небесах царили мириады ярких звезд. Голубой, испятнанный белесыми разводами серп холодного ночного светила висел над самым горизонтом, пугая своей близостью. Кайлу казалось, что если долго и пристально смотреть на огромный ущербный диск, то на его поверхности можно различить смутный рисунок каких-то контуров.

От таких мыслей в памяти вдруг всплыли обрывочные воспоминания, которые относились к недолгой школьной поре.

…Детство у Кайла было трудным. Своих родителей он не знал. Такое не редкость в самых низших слоях общества, где социальные связи непрочны, а союзы носят временный и эгоистичный характер.

Город, в котором вырос Кайл, строился в иные, лучшие времена. Его современное пространство оказалось чрезмерно большим для существующего населения, и поэтому обжитых районов было всего три, а всю остальную площадь под каменным козырьком занимали кварталы давно покинутых, медленно разрушающихся зданий.

Там и родился Кайл. По крайней мере, его первые осознанные детские воспоминания относятся именно к такому разоренному, ввергнутому в хаос району, где среди остовов давно покинутых зданий жили в основном мелкие грызуны, бродячие скварги да редкие люди из числа опустившихся до полной нищеты.

Лет до десяти-двенадцати мальчик рос абсолютно диким образом. Он с трудом говорил, вел себя, как зверек, питался чем попало, не брезгуя четвероногими обитателями подземных коммуникаций города, которые зачастую являлись основным блюдом его рациона.

Конец такой жизни положил патруль, совершавший обход заброшенных городских территорий. Кайл в то время имел свои понятия о комфорте и уюте – он вовсе не желал, чтобы его куда-либо забирали из хорошо знакомых, обжитых руин, но начальник городской стражи рассудил по-своему. Уже много позже Кайл узнал, что правительница их города издала в тот

период специальный указ, обязывающий патрули отлавливать бездомных детей и отвозить их в специально организованные приюты.

Следующий отрезок жизни Кайла длиной в семь стандартных городских лет походил на медленное прозрение.

Мир, оказывается, не ограничивался грязными, замусоренными руинами давно заброшенного квартала. Мальчик научился не только правильно говорить и не дичиться других людей, но с грехом пополам еще читать и писать, что в определенный момент показалось его учителям чуть ли не чудом, – ведь оборвыш, когда его привели в приют, был вполне сформированным жизнью зверенышем, едва выговаривающим несколько бранных слов.

…Мысли Кайла прервал толчок в плечо.

Он поднял голову и увидел воина, который указывал ему на телегу и распластанную рядом веревку, давая понять, что короткий отдых окончен.

Вздохнув, он поймал губами патрубок дыхательного аппарата и покорно встал. В отличие от своего напарника, он не видел ничего зазорного или неправильного в том, чтобы тянуть эту телегу через перевал, ведь в конце концов полученным из особого сорта реголита воздухом будут дышать все, в том числе и он сам, но как хотелось двадцатилетнему юноше оказаться на этих мрачных перевалах, озаренных голубоватым светом ущербного диска иной планеты, не как тягловому рабочему, а как вольному исследователю, искателю приключений, который ничем не связан и может отправиться в любую сторону, куда угодно, сам выбирая свой путь.

Кайл еще не знал, что спустя некоторое время он будет со смертной тоской вспоминать эту самую веревку и телегу на ажурных колесах с тонкими спицами, которая невнятно громыхала за спиной, подскакивая на камнях, и воинов, идущих по бокам обоза, и даже своего неприятного напарника с его глупыми обидами и мелко дрожащими губами…

* * *

По ту сторону окольцовывающих кратер гор тянулись все такие же унылые, безжизненные ландшафты.

Небольшой обоз спускался руслом давно исчезнувшей реки. Кайл никогда бы не поверил, что раньше по поверхности Нового Селена могла спокойно течь вода, если бы не встречал на своем пути такие вот яркие, живые свидетельства процветавшей тут некогда жизни.

Однажды он даже видел деревья.

…Это случилось во время его второго выхода за шлюзовые ворота города. Кайл в ту пору заканчивал обязательную для всех городских жителей школу первой ступени. Ему уже исполнилось семнадцать лет, и он ощущал себя вполне взрослым человеком.

Однажды вечером в комнату, где Кайл жил с девятью своими сверстниками, вошел учитель. Этого пожилого сухопарого человека по имени Домг Кайл обещал себе помнить всю жизнь. На этот раз добрый старик был чем-то крайне возбужден.

– Собирайтесь, сегодня нам не придется спать! – азартно заявил он, пробудив самый непосредственный интерес обитателей комнаты. – Люди из охраны прибывшего каравана сообщили мне, что видели неподалеку от города холмик особой формы. Я думаю, что это ископаемый лед, который не растаял из-за того, что занесен толстым слоем реголита. Мы возьмем лопаты и попробуем добраться до него. Я уже получил разрешение на выход из города. Живее, мальчики, собирайтесь, если мы выйдем немедля, то успеем исследовать холм до захода солнца.

– А если там и вправду лед? – спросил у учителя Кайл.

– Тогда мы сможем гордиться сделанным открытием, – потрепав его по голове, произнес Домг. – Во-первых, вода жизненно необходима всем нам, а лед – это и есть вода, только в иной физической форме, а во-вторых, замерзший ледник может содержать в себе остатки древней

жизни, которая, как я вам рассказывал, процветала на Новом Селене много тысячелетий тому назад, еще до Ярости Неба.

Во время той прогулки Кайл и увидел деревья.

Под полутораметровым слоем реголита действительно скрывался ледяной панцирь, и в него были вморожены странные почерневшие образования, похожие на скелеты фантастических существ со множеством рук.

Когда ученики закончили копать, старый преподаватель поднялся на край ямы и сдернул чехол с принесенного с собой предмета. Им оказался серебристый прямоугольный лист какого-то металла – скорее всего, фрагмент обшивки или защитного кожуха, снятый с разрушенного временем механизма.

Никто не успел поинтересоваться, зачем учитель прихватил с собой этот лист. Домг посмотрел на сползающее за близкий горизонт солнце и повернул свое нехитрое приспособление так, чтобы лучи, отраженные им, упали на дно ямы.

Зрелище, открывшееся глазам, потрясло Кайла до глубины души.

Толща льда была слоистой и мутной, но все равно свет проник метра на три в глубину и в стороны, вырвав из тьмы фрагмент прошлого: почерневшее дерево с корявыми ветвями, похожими на руки, черный трупик птицы у его основания, пару пожухлых, скорчившихся листьев, чудом сохранившихся на кончиках самых тонких ветвей…

Пока Кайл завороженно смотрел на этот ледяной стоп-кадр из невероятного прошлого, поверхность льда, на которую падали отраженные от металлического листа солнечные лучи, вдруг стала мутной и подернулась паром, извергавшимся из образующихся прямо на глазах ноздреватых пор.

Учитель отвернул лист и снова накрыл его матерчатым чехлом.

– Забросайте поверхность льда тонким слоем реголита, – приказал он ученикам. – Когда наступит ночь и станет холодно, сюда придут рабочие, чтобы разрезать лед на куски и транспортировать в город. Я попрошу тех, кто станет этим заниматься, добыть для нас дерево.

Старый Домг сдержал свое слово, и почерневший корявый ствол, обработанный специальным укрепляющим составом, занял свое место в вестибюле школьного здания.

Как давно это было, подумал Кайл, волоча телегу.

Три года назад, почти сразу после той памятной экскурсии, он покинул школу, начав самостоятельную жизнь.

Мнимая свобода, о которой он втайне мечтал, оказалась не такой уж сладкой и заманчивой, как представлялось ему из стен школьного здания. Статус гражданина и начальная ступень образования еще не гарантировали ему получение работы. Городские власти обеспечивали жителей воздухом и водой, а остальное каждый добывал сам как мог.

Конечно, как и любой мальчишка, Кайл мечтал стать воином – сильным и независимым, но реальность опять внесла в жизнь свои коррективы. С грехом пополам ему удалось пристроиться на работу при шлюзовых воротах. Сначала он толкал ворот, который приводил в движение огромные створы, затем его старания были отмечены, и юношу стали изредка брать на обход внешнего городского периметра, где по указке старшего он выполнял наиболее тяжелые работы. Иногда приходилось ликвидировать последствия утренних и вечерних оползней, когда из-за резкого перепада температур скалы трескались и осыпались грудами острых камней, но чаще всего в таких инспекционных обходах надо было латать уплотнители на стыке оправленных в металлические рамы тройных стекол и каменных столбов, поддерживающих по периметру нависающий над городом скальный свод. Трудность этой работы заключалась в том, что ремонт рассыхающихся уплотнений требовал ловкости и быстроты, приходилось освобождать руки от толстых, неуклюжих перчаток защитного костюма, а температура вне городских стен не отличалась милосердием – днем рамы нагревались так, что об них запросто можно было обжечься, а ночью материал уплотнений трещал от мороза…

Так что, в отличие от Сорга, Кайл не находил вылазку за реголитом какой-то карой, наказанием свыше, – наоборот, он радовался, что монотонное течение будней наконец нарушено и он может повидать мир, лежащий вне стен кратера.

…Во время следующего привала Сорг сам подсел к нему.

Кайл подумал, что он сейчас опять начнет брюзжать и жаловаться на жизнь, но ошибся.

Торговец едой извлек из-под своего защитного балахона прихваченный из дома сухой брикет и, разломив его пополам, протянул кусок концентрата Кайлу.

Обычно при выходе за городские стены для принятия пищи и короткого сна приходилось раскидывать палатку, герметичные стенки которой удерживали пригодный для дыхания воздух, но Кайл по личному опыту знал, что наскоро перекусить можно и так. Воздух снаружи был разрежен, холоден и ядовит, но если действовать быстро и стараться не вдыхать при этом, то все обойдется. Он взял предложенный кусок пищевого концентрата, быстрым заученным движением распустил шнуровку островерхого капюшона и, не отстегивая прозрачной маски мягкого лицевого забрала, резко приподнял всю защищающую голову конструкцию. Крепко зажмурившись, он сунул в рот кусок брикета и стал быстро затягивать шнурок, позволяя воздушной смеси из патрубка свободно изливаться под капюшон, вытесняя непригодную для дыхания атмосферу.

Брикет оказался восхитительным, со вкусовыми добавками. Кайл несколько секунд блаженно смаковал еду, затем открыл глаза и увидел, что Сорг сидит на корточках, напряженно глядя на него.

В этот момент до Кайла наконец дошло, что уличный торговец поделился с ним куском лакомства не от чистого сердца, а из практических соображений. Сорг не имел опыта еды вне городских стен, а подходить за советом к воинам побоялся – припрятанную им еду вполне могли реквизировать для нужд всех участников обоза.

То, что его использовали как подопытного грызуна, не очень задело Кайла. Трудная жизнь впроголодь научила его философски смотреть на многие вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.